

**UNIVERZITA KARLOVA
FILOZOFICKÁ FAKULTA**

Ústav východoevropských studií

Diplomová práce

Uladzimir Morozuk

Феминативы украинского языка, обозначающие названия профессий и должностей
(в сравнении с белорусским и русским языками)

Přechylování slov označujících povolání. Ukrajinština ve srovnání s běloruštinou a
ruštinou.

Ukrainian feminatives denoting the names of professions and positions in comparison with
Belarusian and Russian languages.

V Praze 2021

Vedoucí: doc. Tetiana Sverdan, CSc.

Rád bych poděkoval všem, kteří mě při psaní této diplomové práce jakkoli podpořili. Zejména děkuji vedoucí své práce doc. Tetianě Sverdán, CSc. za odborné vedení práce, cenné připomínky a pomoc s výběrem zdrojů.

Prohlášení:

Prohlašuji, že jsem magisterskou práci vypracoval samostatně, že jsem řádně citoval všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze, dne

podpis

Anotace

Táto diplomová práca sa zaoberá používaním prechýlovaných forem názvů profesi ženského rodu ve tři východoslovanských jazycích: ukrajinštině, ruštině a běloruštine. V práci je kladen velký důraz na sociolingvistické a morfologické aspekty tvoření a použití prechýlovaných korelátů ženského rodu.

This Master thesis studies the usage of feminine forms of the nouns describing the profession in three East Slavic languages: Ukrainian, Russian and Belarusian. The work places great emphasis on sociolinguistic and morphological aspects of the formation and usage of these female correlates.

Данная дипломная работа посвящена использованию агентивных феминативов в трёх восточнославянских языках: украинском, русском и белорусском. Основной упор сделан на социолингвистические и морфологические аспекты создания и использования данных феминативов.

Klíčová slova

Lingvistika, slavistika, ukrajinština, běloruština, ruština, přechylování, feminativy

Linguistics, slavic languages, Ukrainian language, Belarusian language, Russian language, motion, feminatives

Лингвистика, славистика, украинский язык, белорусский язык, русский язык, моция, феминативы

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	6
2. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ	9
2.1 Лингвокультурологические и социолингвистические понятия	9
2.1.1 Языковая картина мира	9
2.1.2 Андроцентричность славянских языков	11
2.1.3 Дискурс. Текст. Речь	12
2.1.3.1 Феминистический дискурс: история и современность	14
2.1.3.2 Языковой дискурс	15
2.1.4 Диглоссия. Билингвизм. Переключение кодов	16
2.1.5 Эколингвистика	20
2.1.5.1 Язык как культурный образец	22
2.1.6 Колониализм и язык	23
2.1.7 Языковая ситуация	27
2.1.8 Языковая политика	30
2.1.8.1 Языковая идеология	31
2.1.8.2 Языковой менеджмент	32
2.2 Лингвистические термины и понятия	34
2.2.1 Словообразование (деривация, суффиксация, моция)	34
2.2.2 Морфологические предпосылки создания и использования феминативов	37
3. ФЕМИНАТИВЫ УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	39
3.1 Краткая история феминативов восточнославянских языков	39
3.2 Украинский язык	43
3.2.1 Актуальная языковая ситуация в Украине. Основные тенденции.	43
3.2.2 Феминативы украинского языка	45
3.3 Белорусский язык	50
3.3.1 Актуальная языковая ситуация в Беларуси. Основные тенденции.	51
3.3.2 Феминативы белорусского языка	52
3.4 Русский язык	57
3.4.1 Актуальная языковая ситуация в России. Основные тенденции.	57
3.4.2 Феминативы русского языка	59
4. ВЫВОДЫ	62
5. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	65

1. ВВЕДЕНИЕ

Язык – это сложная система, которая никогда не стоит на месте. Изменения и инновации появляются практически каждый день. И если грамматика и фонетика являются наиболее архаичными уровнями языка, то лексика наоборот очень гибкая, наиболее подверженная изменениям. Иногда языковые инновации могут представлять собой реактивацию лексики, которая использовалась раньше.

Лексика первой реагирует на изменения в обществе. Однако язык должен отражать не только новые реалии, которые появляются в обществе, но также должен быть способен комплексно реагировать на изменения самого общества. В современном глобальном мире изменения происходят стремительно. Доступность цифровых технологий, открытые границы, свободный доступ к информации ведут к целому ряду новшеств в обществах разных стран. В последнее время особенно актуальной является вопрос гендерного равноправия, женщины и мужчины всё больше и больше уравниваются в своих правах, а социальные границы стираются. Особенно сильные изменения заметны в наиболее глобализированных государствах, однако даже в самых закрытых государствах имеется запрос на подобные новшества в общественном укладе. Традиция спроса на подобные изменения возникла ещё в XIX веке, соответственно, на них реагируют разные сферы: законодательство, рынок труда и, конечно же, язык. Вопрос применения феминативов в последнее время стал предметом очень жарких дискуссий, этот термин активно политизирован движением феминисток.

Следует заметить, что целью данной работы не является освещение гендерных вопросов, все языковые инновации рассмотрены в ней только с точки зрения лингвистики.

Итак, примерно с середины XIX столетия женщины организованно заявляют о равных для себя правах с мужчинами. Существует 2 пути реализации этих прав с помощью языка:

- Две языковые формы, показывающие, что различия есть. Равноправие по одной логике.
- Одна андроцентричная форма (мужской род в качестве нейтрального) для обоих полов, показывающая, что различий нет. Равноправие по другой логике.

XXI век принёс новую волну интереса к существительным, обозначающим лиц женского пола по профессиональной и социальной принадлежности. Это живой и острый

вопрос, вызывающий неприятие очень многих носителей восточнославянских языков. В качестве мотивации неприятия данных лексем выступают различные эстетические, политические и лингвистические аспекты.

Эстетические аспекты (неблагозвучность, непривычность) нуждаются в отдельном изучении психологии носителей языков, что не может быть осуществлено в рамках нашего лингвистического исследования. Политические аспекты (некоторая заидеологизированность феминативов, опыт их запрета в ходе «языковых» чисток) рассмотрены в третьей части данной дипломной работы.

В своей работе мы пытаемся сделать комплексный анализ лингвистических аспектов использования существительных-феминативов. Первый из них заключается в представлении о феминативах, как о лишних и ненужных языку. Принято считать, что слова мужского рода способны выполнять обобщающую функцию. Н. Коновалова видит как преимущества, так и недостатки подобного подхода к феминативам: «Положительный аспект заключается в том, что использование мужского рода как «нейтрального» способствует тенденции к экономии языковых средств и упрощает коммуникацию, отрицательный – в том, что при использовании мужского рода теряется гендерная специфика и без дополнительного контекста становится непонятным, о мужчине или женщине идет речь»¹. Второй аспект заключается в том, что феминативы противоречат правилам словообразования. Опровержение несостоятельности данного мнения находится, в частности, в нашем исследовании. Сами модели словообразования феминативов и словообразовательные функции некоторых суффиксов не вызывают сомнения.

Данная дипломная работа посвящена изучению использования феминативов в украинском, русском и белорусском литературных языках. В ней проведён анализ основных способов создания существительных агентивов женского рода и разобраны основные подходы к феминативам во всех трёх восточнославянских языках с учётом актуальной языковой и общественно-политической ситуации в Украине, России и Беларуси.

Спецификой восточнославянских языков является несистемность использования феминативов, что особенно характерно для русского и белорусского литературных языков. Украинский же язык был подвержен наиболее сильным изменениям. В частности,

¹ Коновалова Н. И. Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины. История русского языка: Словообразование и формообразование. Казань, 1997. С. 72–79.

в настоящее время происходит попытка вернуть феминативы в активный языковой фонд и использовать их, в том числе, и в официально-деловом стиле. С точки зрения данного исследования украинский язык представляет наибольший интерес. Однако исследования новаторства и прогрессивности в украинском словообразовании нельзя проводить в отрыве от других восточнославянских языков, которые ещё до 1991 года были объединены общими государственными границами Советского Союза. Спустя 30 лет восточнославянские языки не потеряли схожесть дискурса и языковой повестки. Новаторству украинского языка противостоит консерватизм русского языка. Постсоветские страны до сих пор находятся в состоянии постколониального дискурса, чему в данной дипломной работе посвящён отдельный пункт.

2. КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Для лучшего понимания проблематики изучаемого вопроса нам необходимо разобрать понятия, формирующие наши языковые компетенции и нашу систему ценностей, тесно связанную с нашей культурой.

2.1. Лингвокультурологические и социолингвистические понятия

2.1.1 Языковая картина мира

Тесную связь языка с восприятием мира ещё в начале XIX века заметил А.фон Гумбольдт. Окончательно эта идея была сформулирована в 50-е гг. ушедшего столетия Л. Вайсгербером и получила название *языковая картина мира*. Возникшее понятие сразу получило огромное количество трактовок, которые описывали разные стороны обозначаемого понятия, что помешало возникнуть устойчивому и прозрачному термину, оставив словосочетание *языковая картина мира* образным выражением².

Следует отметить, что понятия *картина мира* и *языковая картина мира* не являются тождественными. Основное различие заключается в том, что картина мира – это отражение мира в человеческом сознании, представления о мире, данные об окружающей нас среде. Языковая картина мира представляет собой информацию об окружающей нас действительности выраженную в языке.

Источниками формирования картины мира выступают³:

- врожденное знание – на уровне врожденного знания человек не отличается от животного;
- знание, полученное человеком в результате его практической деятельности – опыт взаимодействия человека с природой и социумом;
- знание, полученное из текстов, с которыми человек знакомится на протяжении своей жизни;
- знание, выработанное в процессе мышления;
- знание, внушенное родным языком – «когнитивное наследство, предоставляемый ей этносом стартовый капитал».

Таким образом, картина мира как отдельного, так и образованного человека формируется на основе всех вышеперечисленных источников, т.е. информация о мире получается по различным каналам. Языковая же картина мира основана только на знании,

² Корнилов А. О. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999. С. 75.

³ Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1996. 415 с.

внушенном родным языком, его единицами и категориями. Однако следует учитывать, что любое знание, которым обладает языковая личность, в той или иной мере обусловлено языком⁴.

Основные элементы картины мира – информемы – некоторые информационные целостности. Картина мира экспонируется в языке, в жестах, в изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этикете, мимике, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, в социокультурных стереотипах поведения людей и т.д. Языковая картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, т.е. означенные информемы. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык⁵.

Языковая картина мира обусловлена этническим языком и в нем репрезентирована, следовательно, она не может носить глобальный характер, хотя общечеловеческие элементы, безусловно, в ней представлены. Таким образом, языковая картина мира относится к картине мира как частное к целому, занимая при этом значительное пространство в картине мира, поскольку знание, внушаемое человеку родным языком, намного превосходит по объему и качественному разнообразию знание, полученное из всех других источников, вместе взятых⁶.

Языковая картина мира также может подразделяться на разные подвиды⁷: например, на научную, персональную и национальную. Таким образом, наши познания о мире, наша система ценностей, наше понимание мира обусловлено нашей языковой картиной мира. Интересно отметить, что в условиях быстро глобализирующегося мира один человек может быть носителем нескольких языковых картин мира. В случае билингов или полиглотов одна из языковых картин мира должна быть доминирующей. В случае межкультурной коммуникации может возникнуть культурный шок, если собеседники не владеют всеми используемыми языковыми картинами мира, а каждый использует свой коммуникативный стиль (совокупность различных вербальных, невербальных, экстралингвальных и паравербальных компонентов, обусловленных каждой конкретной культурой). Язык и культуру нельзя рассматривать отдельно, т.к. они являются составляющими языковой картины мира.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира. / Филологические науки, №1. – М.: ж. «Филологические науки», №1, С.40-49.

2.1.2 Андроцентричность славянских языков

Актуальность проблемы создания агентивных существительных женского рода заключается в том, что языковая картина мира славянских языков по своей сути является андроцентричной. То есть в них существует гендерная асимметрия, которая заключается в неравномерной представленности в языке лиц разного пола⁸. Учёные говорят об этом со второй половины прошлого века. По их мнению, андроцентричная доминанта несправедлива к женщинам, она не позволяет реально и достоверно отражать присутствие и участие женщины в жизни общества и способствует созданию и распространению различных гендерных стереотипов.

Принято считать, что первоначально славянские языки были лишены родовых дифференциаций. Например, О.Трубачёв приводит⁹ 5 родственных терминов (отец, мать, брат, дочь, сестра), которые изменяются по единой модели склонения родственных терминов без родовых различий.

Тем не менее, с течением времени усиливающиеся представления общества о мужчине как о физически сильном и главенствующем его представителе необратимо повлияло и на структуру языка¹⁰. Таким образом, славянские языки являют собой воплощение патриархального образа мышления и патриархальной языковой картины мира. В нейтральной научной среде андроцентризм славянских языков воспринимается как исторически сложившаяся традиция предпочтения мужских форм. Мужской род понимается как общий и немаркированный по отношению к женскому¹¹. Однако параллельно с нейтральными существуют и идеологизированные взгляды на проблему андроцентризма, которые понимают его как агрессивное и неестественное доминирование мужского начала над женским (например, гендерная или феминистская лингвистика).

О нейтральности мужского рода писали и представители Пражского лингвистического кружка. Например, Н.Трубецкой утверждал¹², что одно из важнейших свойств фонологической корреляции состоит в том, что один её член всегда выступает в качестве немаркированного (беспризнакового), другой – в качестве маркированного (признакового). Похожего мнения придерживался и Р.Якобсон, но уже на уровне грамматики. Он полагал¹³, что «женский род указывает на то, что если означаемое является одушевленным или может мыслиться как одушевленное, то соответствующее

⁸ Электронный ресурс http://www.owl.ru/win/womplus/2003/01_05.htm Дата последнего доступа: 10.02.2021

⁹ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Издательство АН СССР, 1959.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Trubetzkoy, N. Die phonologische Systeme. 1931, s. 96-116.

¹³ Р. Якобсон Р. О. Нулевой знак. Избранные работы. М., 1985. С. 224.

лицо безусловно принадлежит к женскому полу (супруга всегда означает женщину). В противоположность этому общее значение мужского рода таково, что оно не содержит обязательного указания на пол». Данные идеи Р.Якобсона также разделял и М.Докулил, который считал¹⁴, что в немаркированной категории объём общего семантического значения должен быть шире, чем объём маркированной категории и, таким образом, немаркированное слово должно полностью включать в себя значение маркированное.

2.1.3 Дискурс. Текст. Речь

Таким образом, мы логически переходим к ещё одному очень важному понятию: дискурсу. Само по себе толкование слова *дискурс* является дискуссионным, т.к. оно востребовано в разных науках: в философии, лингвистике, социологии, этнографии, литературоведении и т.д. Известное высказывание на этот счёт принадлежит Деборе Шиффрин¹⁵: ««The fact that discourse has this role takes us outside of linguistics per se simply because we have to address how the language of discourse is related to aspects of the communication process that bear an indirect and complicated (as well as controversial) relationship to language per se». В лингвистике данный термин стал очень популярен в недавнее время. Функционально-коммуникативный подход объясняет¹⁶ дискурс как наиболее важное проявление повседневной человеческой жизненной практики, являющее собой сложное коммуникативное явление, которое помимо текста содержит и различные экстралингвальные факторы (представления о мире, мнение, установки и т.д.) без которых невозможно понимание текста.

В современной лингвистике существует 4 подхода¹⁷ относительно термина *дискурс*:

- Коммуникативный (функциональный) подход: дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, то есть тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции. В рамках коммуникативного подхода термин «дискурс» трактуется как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)»

¹⁴ Dokulil, M. K otázce morfologických protikladů. 1958, s. 81-103.

¹⁵ Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out. Text, vol. 10. 1990. P. 97–100.

¹⁶ Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике. Учёные записки Казанского государственного университета. Т.151. Казань, 2009. С. 31-36

¹⁷ Там же.

- Структурно-синтаксический подход: дискурс как фрагмент текста, то есть образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац). Под дискурсом понимаются два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса.
- Структурно-стилистический подход: дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.
- Социально-прагматический подход: дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты.

Понятие *дискурс* неразрывно связано с понятиями *текст* и *речь*. Таким образом, дискурс является когнитивным процессом, связанным с реальным речепроизводством, со знанием речевого произведения, а текст – конечный результат процесса речевой деятельности, выливающийся в определённую законченную форму. Такое противопоставление реального говорения его результату приводит к осознанию того, что текст может трактоваться как дискурс только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его индивида¹⁸.

Единицей речевого общения является высказывание, ориентированное на участников речи¹⁹. То есть высказывание является единицей дискурса, а дискурс – совокупностью высказываний. В последнее время активно обсуждается вопрос различий понятий *дискурс* и *коммуникативное (речевое) событие*. За различие примем фактор формальности. Если речь идёт об уроке, конференции, собрании и т.д. то данные события являются одновременно и дискурсом, и коммуникативным событием, т.к. данные события обладают формой и заданной темой, знакомой и понятной всем её участникам. Тем не менее, понятие *коммуникативное событие* нельзя соотнести с конкретной областью знаний или типом информации.

¹⁸ Там же

¹⁹ Формановская Н. И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика. ИКАР. М., 2007.

2.1.3.1 Феминистический дискурс: история и современность

Очевидно, что одной из самых острых и актуальных тем современного дискурса является дискурс феминистический. Как уже было сказано, данная работа не исследует проблему гендера. Однако для лучшего понимания сути происходящих в языке изменений вопрос истории феминизма в ней всё-таки частично рассмотрен.

До конца XVIII века мир был исключительно патриархальным. Первые ростки общественных изменений возникли после Великой французской революции, сформировав первую «классическую» волну феминизма, которая рассматривается в качестве состоявшейся и в Российской империи (в государстве, в котором жили все восточнославянские народы)²⁰. Первая волна ставила своей задачей эмансипацию женщин. Касалось это в основном женщин образованных, которые тянулись к образованию и большей финансовой и социальной самостоятельности. Данные изменения нашли отражение и в литературе славянских народов Российской империи, где сформировался образ образованной и самостоятельной европейки. Это и есть результат первой волны феминизма: образованная молодая женщина, основными ценностными установками которой являются независимость, просвещённость, свобода и необходимость разделять эти ценности с другими такими же женщинами. Однако в условиях Восточной Европы данное движение не стало массовым. Феминизм в итоге не победил, и мы продолжаем жить в обществе с глубокими сексистскими установками, а ценности феминизма не разделяются большинством женщин²¹.

Относительно первой волны исследователи пришли к консенсусу. Тем не менее, на территории Восточной Европы существуют ещё две волны феминизма, являющиеся дискуссионными: вторая и третья²². Вторую волну связывают с раннесоветскими экспериментами по женской эмансипации. Однако эта волна была скорее идеологической, навязанной женщинам, которые сами этих изменений не требовали. Раннесоветские изменения были скорее косметическими. В реальности же эмансипации женщин не произошло. Наоборот, женщины всё активнее привлекались к тяжёлому физическому труду. Также была сделана попытка более активного внедрения феминативов в речь, однако эти феминативы в основном обозначали непрестижные профессии (об этом будет подробнее рассказано в главе, посвящённой феминативам русского языка). В итоге советский проект женской эмансипации не стал успешным, т.к. изначально его цели и идеи были чужды женщине. По сути, вся эмансипация свелась к образу «работающей

²⁰ Пятилетова Л. В. Гендерная идентичность против социального хаоса: российский антифеминизм как социальный проект. Научно-методический электронный журнал «Концепт». Вып. №8, Екатеринбург, 2017.

²¹ Там же

²² Там же

матери». То есть женщина становилась ещё менее свободной, у неё было ещё больше обязанностей, но прав не прибавилось. Поэтому подтверждения классификации данного социального явления в качестве подлинной борьбы за права женщин являются спорными.

Третья волна (или же вторая волна, по мнению некоторых исследователей) связывается с периодом распада СССР и продолжается до сих пор. В 90-е гг. XX века всё население постсоветских стран столкнулось с реальной угрозой бедности, социальной незащищённости и безработицы. В это же время образовались группы образованных интеллигенток, пропагандировавших западные ценности эмансипации, которые, тем не менее, не разделяются большинством жительниц постсоветского пространства. Этот проект стал для большинства чужеродным, непонятым. Как бы это ни было парадоксально, большинство женщин сами выступают против феминизма, а сексизм для них является достаточно органичным и приемлемым. У этого могут быть разные причины: консервативность постсоветского общества, активная эксплуатация т.н. «традиционных» семейных ценностей, которые отводят женщинам репродукционную роль. Однако массового общественного запроса на эмансипацию и уравнивание гендерных прав сегодня нет.

2.1.3.2 Языковой дискурс

Для объективности анализа необходимо отметить некоторые различия в функционировании украинского, русского и белорусского литературных языков. Каждый язык развивается в условиях собственного *языкового дискурса*.

Языковой дискурс – в широком понимании, это вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности²³. Однако мы остановимся на понятии языкового дискурса, истоки которого восходят к школе дискурсивного анализа. Одним из первопроходцев в теории дискурса стал Э.Бенвенист.

Взгляды на языковой дискурс могут различаться. Например, современный немецкий философ Ю.Хабермас полагает²⁴, что дискурс является важнейшим компонентом коммуникативной практики. Исходя из этого делается вывод, что коммуникативная компетенция носителя языка, наравне с лингвистической, обладает универсальным ядром. Данное ядро состоит из основополагающей системы правил, которой обладает взрослый

²³ Гуманитарный портал. Электронный ресурс. <https://gtmarket.ru/concepts/6987> Дата последнего доступа 30.10.2020

²⁴ М. Соболева. К концепции философии языка Юргена Хабермаса. М. Логос, 2002

носитель языка для успешного преобразования предложений в выражения. Если же дискурс, который состоит из всех прагматических функций языка (представления, установления межличностных отношений и выражения), ориентирован на универсальные значимые претензии (на истину, правильность, правдивость), которые ставят его за рамки ограниченных пространственно-временных контекстов, то коммуникативная повседневная практика может преодолевать барьеры, поставленные ей жизненным миром. Формальный концепт мира и аргументативная практика дискурса образуют, таким образом, те предпосылки, благодаря которым проблематизированные ситуации встраиваются в контекст жизненного мира и тем самым стимулируют его развитие. Всё это способствует возникновению дискурса.

2.1.4 Диглоссия. Билингвизм. Переключение кодов

Диглоссия – это одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. Первым термин «диглоссия» в 1959 году описал Ч.Фергюсон²⁵.

В отличие от билингвизма и многоязычия диглоссия как социолингвистический феномен предполагает обязательную сознательную оценку говорящими своих идиомов по шкале «высокий — низкий» («high – low» у Ч.Фергюсона). Это способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации²⁶.

В рамках стандартной, «межъязыковой» диглоссии, также можно выделить внутриязыковую диглоссию, подразумевающую использование различных подсистем (диалект, жаргон, просторечие) одного национального языка. Л.Крысин²⁷ называет это «внутриязыковой» диглоссией. В качестве примеров исследователь приводит использование просторечия в официальном книжном русском языке с одной стороны, и засилье канцеляризмов и прочих штампов в разговорной русской речи – с другой.

В украинском языке примером внутренней диглоссии являлось активное использование феминативов в разговорном языке. В 2019 году новое правописание сделало их использование возможным на всех уровнях украинского языка. То есть под давлением внутренних факторов украинские кодификаторы сблизили норму и узус, что

²⁵ Charles A. Ferguson 1959. Diglossia, WORD, 1959, P. 325-340.

²⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. Электронный ресурс <http://tapemark.narod.ru/les/136c.html>
Дата последнего доступа 31.10.2020

²⁷ Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике, М., 2004. - С. 468-474

является, безусловно, позитивным моментом. Тем не менее, до включения феминативов в кодификацию украинского языка в 2019 году, они активно использовались. Следует отметить, что были кодифицированы как нейтральные лишь некоторые формы феминативов²⁸. Другие остались на разговорном уровне. К таким феминативам можно, например, отнести слово *лікарша*, которое зафиксировано в академическом одиннадцатитомном словаре украинского языка²⁹ («Словник української мови» далее сокращённо СУМ) в качестве обозначения супруги врача, однако в просторечии оно используется и для обозначения профессии. Интересно отметить, что данная лексема используется в маркетинге³⁰ и публицистике³¹. Другой пример, который был описан в моей бакалаврской работе и был взят из официального, на тот момент (до кодификации феминативов), Классификатора профессий, – слово *льотчиця*, которое возникло от суржикизированного слова *льотчик*. К сожалению, данный маскулинизм присутствует и в последней редакции украинского Классификатора профессий от 18.08.2020³².

В Восточной Европе одним из самых видных исследователей диглоссии стал Б. Успенский, изучавший её в контексте древнерусского языка. Он считал³³, что «такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации. Если в обычном случае одна языковая система выступает в разных контекстах, то в условиях диглоссии разные контексты (речевые ситуации) соотнесены с разными языковыми системами». Обязательным условием возникновения диглоссии является:

- Недопустимость применения кодифицированного (книжного) языка в устной речи;
- Отсутствие кодификации разговорного языка;
- Отсутствие параллельных текстов на двух языках.

Очень интересной разновидностью диглоссии является т.н. «антропонимическая» диглоссия³⁴. Она заключается в существовании двух и более форм у индивидуумов,

²⁸ Подробнее кодификация украинских феминативов в 2019 году разобрана в отдельном пункте. См. С. 43 данной работы.

²⁹ Электронный ресурс <https://slovyk.ua/index.php?swrd=лікарша> Дата последнего доступа: 16.02.2021

³⁰ Электронный ресурс https://bukovyna-med.com.ua/index.php?route=product/product&product_id=4656 Дата последнего доступа: 16.02.2021

³¹ Электронный ресурс

https://news.24tv.ua/ru/jak_probity_dno_gore_likar_pishla_na_pidvishhennja_a_pjanij_prokuror_stav_borcem_z_korupciyeju_n1014917 Дата последнего доступа: 16.02.2021

³² Электронный ресурс https://hrliga.com/index.php?module=norm_base&op=view&id=433 Дата последнего доступа: 16.02.2021

³³ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв). М.: Гнозис, 1994.

³⁴ Гарагуля С.И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: опыт системного описания личных имен в США. Автореферат диссертации, М., 2009.

используемых в различных подсистемах национального антропонимикона. В ежедневной языковой практике данный тип диглоссии проявляется, например, при переходе от официального общения к неформальному или же при выходе из своей социальной группы. Сюда же относятся домашние формы имён, прозвища, клички. Популярной данной особенностью является и в среде эмигрантов, которые при сохранении своего родного языка и родной формы имени в пределах своей семьи, покидая её пределы, используют как язык, так и систему имён собственную характерную для большинства коренного населения.

По сути диглоссия является социально дифференцированным билингвизмом.

Билингвизм (двуязычие) – это употребление нескольких языков в пределах определённой социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией³⁵.

Билингвизм достаточно широко распространён на постсоветском пространстве. Как в бывших советских республиках, так и в Российской Федерации в регионах проживания национальных меньшинств. Если в рамках РФ сохраняется доминирующая позиция русского языка во всех сферах жизнедеятельности, то в независимых постсоветских республиках общество живёт в условиях постколониализма и переходной диглоссии. Понятие постколониализма рассмотрено отдельно (подробнее на С. 23 данной работы). Под переходной же диглоссией понимается усиление роли языка титульной нации в «высоких» сферах коммуникации. На постсоветском пространстве переходная диглоссия проявляется при переменном использовании в официальной и профессиональной коммуникации русского и национального языков, связанного с постепенным усилением роли языка титульной нации в ходе проводимой государствами языковой политики. Функционирование билингвизма в каждой языковой среде сопряжено со своими особенностями. В данной работе под *билингвизмом* понимаем способность индивидуума активно использовать два языка с разным уровнем языковой компетенции и свободно переключаться между этими языками.

Переключение кодов – это попеременное использование двух языков в рамках одного дискурса, в одном предложении или его части. Такой вид языкового поведения подразумевает задействование двух языковых систем, однако не происходит переход из одной системы в другую. Переключение кодов наиболее характерно для

³⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. Электронный ресурс <http://tapemark.narod.ru/les/303a.html>
Дата последнего доступа 02.11.2020

мультилингвальных языковых ситуаций (диглоссия, билингвизм)³⁶. Сложности переключения кодов обусловлены компетенцией владения языками, способностью индивидуума адекватно реагировать на окружающие обстоятельства и межъязыковой интерференцией.

Л. Щерба выделял³⁷ также субординативный билингвизм как разновидность индивидуального билингвизма, при котором один из языков воспринимается говорящим через призму норм другого. Таким образом, происходит смешение языковых кодов, их переплетение на фонетическом, семантическом, грамматическом и др. уровнях. В качестве примера можно привести *суржик* и *трасянку*, которые представляют собой смешанные языки, базирующиеся, как правило, на местной фонетике, однако активно эксплуатирующие лексику русского языка. На уровне грамматики и синтаксиса говорящие попеременно используют элементы обоих языков.

Традиционно считается, что данный тип билингвизма встречается у «начинающих» билингвов, уровень владения вторым языком у которых ещё недостаточно уверенный. Противоположным же типом билингвизма, при котором практически не допускается смешение кодов, называется координативным. Идеальное же, одинаково грамотное качество владения языками называется смешанным билингвизмом. Однако данный тип встречается достаточно редко.

Э.Пил и В.Ламберт³⁸ выдвинули теорию о противопоставлении «сбалансированного» и «несбалансированного» билингвизма. Сбалансированный билингвизм подразумевает одинаково качественное и компетентное владения двумя языками и способность свободно их использовать в различных коммуникативных ситуациях. В случае несбалансированного билингвизма один язык доминирует над другим. В таком случае язык, в котором индивидуум более компетентен называется доминантным. Язык, уровень владения которым у индивидуума ниже, называется рецессивным. При этом доминирующий язык вовсе необязательно должен быть родным или первым. Однако роли языков могут меняться в зависимости от коммуникативной ситуации и расположения социальных ролей.

Взгляды социолингвистов на билингвизм разнятся. Кто-то подчёркивает приобретение мозгом билингвов полезных когнитивных свойств. Кто-то указывает на способность билингвов к лучшему усвоению и сортировке информации, кто-то – на

³⁶ Электронный ресурс <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/переключение-кодов/> Дата последнего доступа 12.11.2020

³⁷ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

³⁸ Peal, E., Lambert, W. E.. The relation of bilingualism to intelligence. American Psychological Association, 1962

высокие аналитические способности. Достоинств у билингвизма много. Но иногда возникают и негативные явления.

Среди них, безусловно, находится *семилингвизм*³⁹ (также полуязычие), под которым понимается особый вид билингвизма, при котором первый язык утрачивается или сильно деформируется, а второй язык не усваивается на достаточном для комфортного общения уровне. Данное явление часто распространено у представителей этнических меньшинств с низким уровнем образования и дохода в языковой среде с ярко выраженной диглоссией в которой родной язык данных индивидуумов является непрестижным. Сюда можно отнести пользователей вышеупомянутых суржика и трасянки. Обычно полуязычие проявляется в процессе колонизации представителей национального меньшинства, когда родной язык ещё не забыт, а язык метрополии ещё не усвоен. Также полуязычие – это неумение выразить мысли достаточно хорошо ни на одном языке⁴⁰. Семилингвизм иногда ведёт к возникновению частичной культурной идентичности, в случае которой индивидуум выбирает в качестве основной более престижную идентичность, не утрачивая при этом до конца свой родной язык, традиции и культуру.

2.1.5 Эколингвистика

В качестве реакции на не всегда удачные примеры мультилингвальных обществ и семилингвизм возникла новая наука – *эколингвистика*, которая появилась благодаря лингвисту Э.Хаэгену. Данная наука изучает взаимоотношения языка и его окружения. Первоначальная идея Э.Хаэгена состояла в том, что языки, как и различные живые организмы, находятся в состоянии постоянной конкуренции и борьбы за выживаемость, которая, в свою очередь, зависит от сознания человека, использующего эти языки.

Если экология изучает отношения между живыми организмами, то эколингвистика занимается изучением того, как разные языки влияют друг на друга и насколько разные языки этому воздействию подвержены. Понятийно-терминологический аппарат данной ветви лингвистики, в силу своей молодости, только формируется. Большинство учёных понимают термины «эколингвистика», «экология языка», «языковая экология», «лингвоэкология» и «лингвистическая экология» как тождественные.

По мнению же В.Коровушкина термин *эколингвистика* следовало бы «закрепить за тем разделом лингвистической науки, в котором в качестве исходного принимаются

³⁹ Словарь социолнгвистических терминов. Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. М., 2006.

⁴⁰ Протасова Е. Ю., Родина Н. М., Методика обучения дошкольников иностранному языку. М., 2010.

лингвистические факты – языковые знаки; и, напротив, термин *лингвоэкология* следовало бы закрепить за тем разделом экологической науки, в котором в качестве исходного принимаются экологические факторы, воздействующие на функционирование языковых знаков. При этом весьма проблематично на данном этапе развития эколингвистики/лингвоэкологии подобрать такой научный термин, который объединил бы эти два не совсем синонимичных термина»⁴¹. Однако далее в своей статье В.Коровушкин часто смешивает два этих термина.

Попытку разделить указанные термины также предприняла Н.Белозёрова: «Для экологии языка релевантна прескриптивная парадигма, которая задает норму употребления и способствует сохранению языкового состояния (консервации языковых элементов различного уровня). Для эколингвистики приемлема объяснительная парадигма, функциональный подход к явлениям языка и дискурса, в рамках которого язык и языки исследуются как живые системы, находящиеся в тесной взаимосвязи с другими живыми системами, включая социум, окружающую природную среду и самого человека как биологический вид *гомо сапиенс*»⁴². Соответственно, предметом изучения экологии языка являются отдельные языки, а предметом изучения эколингвистики – естественная среда функционирования этих языков. Н.Белозёрова выделяет 15 критериев для разделения этих двух понятий. То есть происходит разграничение экологии языка и экологии речи.

Интересное предположение высказала А.Бернацкая. Она считает, что экологию языка можно использовать как инструмент, способный «предотвратить проникновение отрицательного узуса в систему, предотвратить регресс языка в плане обеднения его выразительных ресурсов, нивелирования функционально-стилистических и аксиологических оппозиций»⁴³, создав систему лингвоэкологической безопасности. Проблемы в экологии каждого отдельного языка неминуемо ведут к его упадку и деградации, ставят язык на грань выживания. Соответственно, язык понимается, как основное связующее звено между человеком и обществом.

Эколингвистика, с одной стороны критикует семилингвизм национальных меньшинств, но с другой стороны она также критикует полное доминирование наднационального языка. Соответственно, отдельное внимание следует уделить случаям,

⁴¹ Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной области языкознания. Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т.1 № 8. С. 60 – 64.

⁴² Белозерова Н.Н., Лабунец Н.В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. Тюмень, Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 256 с.

⁴³ Бернацкая А. А. О трех аспектах экологии языка. Вестник Красноярского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. Красноярск, 2003. № 4. С. 122–124.

когда на одной территории сосуществуют и находятся в постоянном контакте несколько языков. Лингвист П.Нелде⁴⁴, проанализировав ситуацию немецкого языка в Бельгии, обнаружил одну интересную и логичную закономерность: чем больше той или иной части бельгийской немецкоязычной области удалось избежать индустриализации, тем лучше в ней сохранился немецкий язык. Данное заключение можно применить ко всем европейским нацменьшинствам: наиболее моноязычные поселения нацменьшинств находятся вдали от крупных экономических центров⁴⁵.

И вот эколлингвистика задаётся вопросом: что делать с сосуществованием языков? Моноязычие или полиязычие более естественны? На постсоветском пространстве находится достаточно большое количество полилингвальных зон, где расселены различные национальные меньшинства. Однако, в каждой постсоветской республике в той или иной степени стоит вопрос использования русского языка, который во времена СССР использовался как единый культурный образец для других языков (Подробнее об этом см. в пункте 2.1.6 о постколониализме на С. 23 данной работы).

2.1.5.1 Язык как культурный образец

Современная языковая ситуация во многих странах постсоветского пространства характеризуется билингвизмом и переходной диглоссией. В качестве одного языка выступает русский язык, в качестве другого – национальный местный язык. Можно говорить о том, что на части постсоветского пространства русский язык до сих пор является культурным образцом.

Jazyk – kulturní vzor a jazyk – nepřítel. Jazyk vládnoucí většiny: a) kulturní vzorec, b) nepřítel, vůči němuž se etnický spisovný jazyk vymezoval. Národní jazyk jej měl postupně nahradit ve všech společenských sférah, stát se jazykem vzdělání, kultury a posléze i jazykem státním a jazykem vládnoucích elit⁴⁶.

То есть русский язык является как положительным, так и отрицательным образцом для других языков. Одни языки копируют тенденции русского языка и стараются координировать своё развитие с русским языком. Другие же языки напротив видят своё развитие в противопоставлении себя нормам и тенденциям русского языка. Долгое время русский язык был навязываемым позитивным образцом для украинского и белорусского языков. Однако после распада Советского Союза и начала постколониального этапа во

⁴⁴ Nelde, P. H. Ecological implications of language contact. Language contact in Europe / eds. P. S. Üreland. – Tübingen : Niemeyer, 1986. P. 111–124.

⁴⁵ То же самое правило можно применить и к различным диалектам национального языка.

⁴⁶ prof. doc. PhDr. Hana Gládková, CSc. Курс «Problémy formování spisovných slovanských jazyků» Код предмета AVS500041, 2019

взаимоотношениях между независимыми восточнославянскими государствами стало очевидно, что навязанные в 1930-1980-е гг. нормы послужили скорее тормозом естественного развития этих языков. Например, выходящие в это время словари и грамматики не хотели фиксировать характерные черты белорусского и украинского языков, в частности синтетическое будущее время, феминативы, звательный падеж. Соответственно, на нынешнем этапе русский язык выступает в роли «языка-недруга», который отрицает синтетическое будущее время, феминативы и звательный падеж. Значит, украинский и белорусский литературные языки имеют бóльшую мотивацию к их использованию. После 1991 года украинский язык пошёл по пути более радикальных изменений, однако официальный белорусский язык в силу проводимой белорусским государством языковой политики так и остался в полуколониальном состоянии. Тем не менее, параллельно существует белорусский язык, базирующийся на правописании Бронислава Тарашкевича (тарашкевице), которое более гибко рецепирует характерные черты белорусского языка.

2.1.6 Колониализм и язык

Критическое исследование культурного наследия колониализма, ставящее задачу изучить последствия порабощения и эксплуатации земель и их жителей, называют *постколониализмом*.

Среди постсоветских государств на роль государства-колонизатора может претендовать только Российская Федерация. В историографии нет однозначного мнения, были ли у России колонии, поэтому попробуем проанализировать все имеющиеся на этот счёт мнения. Традиционно российская историография не приемлет описание колониализма. А.Моррисон долгое время занимается исследованиями колониализма и постколониализма в России. В своей статье «Аллергия России к своему колониальному прошлому»⁴⁷ он подробно описывает рефлексии современного российского научного сообщества на данную проблематику. По мнению исследователя, другие постколониальные страны, например Великобритания и Франция, не отрицают своего колониального прошлого, но пытаются оправдать его. Россия же в упор не замечает, например, колонизации Кавказа в XIX веке. На колониальное положение некоторых регионов бывшей Российской империи указывает, например, то, что мусульманское население Туркестана и Кавказа считалось инородцами и было урезано в правах⁴⁸, оно

⁴⁷ Электронный ресурс. <https://russian.eurasianet.org/node/63701> Дата последнего доступа 23.12.2020

⁴⁸ Там же.

жило по законам военного времени и было лишено прав, которые для «коренных» российских земель принесли Великие реформы Александра II.

А.Моррисон называет следующие критерии колониального государства: нахождение в составе государства территорий, жители которых обладали более низким социальным статусом, были подчинены метрополии и обычно подвергались культурной, расовой и религиозной дискриминации.

Опираясь на эти характеристики можно утверждать, что колоний у Российского государства было заметно больше. Российская империя до 1917 года также была членом Международного колониального института, который базировался в Брюсселе⁴⁹. Тем не менее, следовало бы отметить принципиальную разницу в подходах к своим колониям у Российской империи и западноевропейских государств. Российские колонии были включены в состав государства, являясь его окраинами, всё это позволяло относительно безболезненно смешивать население и управлять колониями. Из-за отсутствия границ между метрополией и колониями было труднее определить, где начинаются колонии. Западноевропейские же колонии находились на других континентах, что требовало от метрополий солидных ресурсов для управления этими колониями. Многие заморские колонии не имели между собой границ. Смешивать население получалось не так эффективно, большие ресурсы необходимо было тратить на поддержание лояльности местного населения в колониях. Эти факторы и предопределили различную колониальную политику в России и Западной Европе.

В 1921 году, уже после крушения Российской империи, в среде русских эмигрантов набирает популярность идея евразийства, заключающая в себе резкую антиколониальную риторику и осуждения колониального прошлого в России⁵⁰. СССР также активно принял и начал эксплуатировать идею антиколониализма. Первые советские историки не были ограничены в его критике. Однако уже с приходом к власти Иосифа Сталина риторика советской историографии поменялась⁵¹. Была дана установка представить прошлое империи как «меньшее из зол», противопоставляя ему «жестокую» колониальную политику Франции и, особенно, Великобритании. Сталинская историография наоборот даже подчёркивала ту роль, которую сыграл русский «старший брат» в развитии «отсталых народов». Советская политика во многих вещах отличалась от имперской: так, все граждане попадали под одинаковые законы и постановления. В то же время проводилась политика коренизации в местах проживания нетитульных народов, в

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

рамках которой создавались заранее установленные национальные регионы, с официально одобренной историей и национальной идентичностью⁵². Часто многие народы были насильно переселены. Тем не менее, всё это делалось для невиданной в условиях имперского прошлого цели: формирования единой советской нации. Русский язык, русская культура и русские бытовые привычки, однако, сохраняли свою доминирующую роль. Для принятия советской идентичности нужно было, по сути, принять одобренную, идеологически выверенную русскую идентичность.

Тем не менее, заидеологизированность идеи «дружбы народов» несла в себе много негативных последствий. Из-за смешения населения всё сильнее начал проявляться бытовой расизм, скрытость которого объяснялось страхом критиковать решения и политику Коммунистической партии. Слово же «колониализм» получило в коннотации русского языка исключительно негативный семантический окрас. Однако сама колониальная политика и доминирование русской идентичности никуда не делось.

Корень проблемы современного российского общества и государства заключается в отсутствии критики идей сталинизма и наоборот, следовании этим идеям. По сути, современная Российская Федерация является колониальным государством, проводящим колониальную политику в отношении малых народов одновременно пытаясь влиять на политику в постсоветских государствах. Российская пропаганда работает по советским лекалам, распространяя ложь о бывших советских республиках, уличая их в несостоятельности и ведущей роли СССР в их возникновении. Российский президент В. Путин не раз высказывался о том, что распад СССР является величайшей геополитической катастрофой XX века⁵³. Одним из ярчайших представителей современного российского евразийства является А.Дугин. Будучи достаточно радикальным националистом и ксенофобом, Дугин отрицает право постсоветских республик, в особенности Украины, на самоопределение и самостоятельность. В качестве основных врагов российской власти философ видит либералов и многочисленных западных шпионов, которые мешают России реализовывать свой потенциал и повышать благосостояние граждан. Преимственность и созвучность с идеями сталинских времен очевидна. По сути, идеи А.Дугина представляют официальную идеологию Российской Федерации времён правления В.Путина.

⁵² Там же.

⁵³ Электронный ресурс <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> Дата последнего доступа 28.12.2020

А.Эткинд считает⁵⁴, что Россия на разных этапах была и субъектом, и объектом колонизации (с одной стороны, европейские интеллектуалы в XIX веке осваивали Россию, словно колонию, а потом просвещённые российские интеллектуалы выступали колонизаторами окраин Российской империи). А.Эткинд также описывал и развивал мысль о самоколонизации России. «Главные пути российской колонизации были направлены не вовне, но внутрь метрополии: не в Турцию, не в Польшу и даже не в Сибирь, но в тульские, поморские, оренбургские деревни. Тут государство раздавало латифундии и подавляло восстания. Здесь открывали общину и записывали фольклор. Здесь изучали старинные обычаи и странные религии. Отсюда в столичные коллекции привозили «уродов» и раритеты. Сюда направлялись местные паломники в страны Востока. Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России были обращены внутрь собственного народа. Известия о русских шаманах, былинах, мощах, общинах, сектах и, наконец, народниках не уступали сенсациям из экзотических заморских колоний. В российских столицах, как считает А. Эткинд, эти известия воспринимались так же, как в европейских, с важной разницей: этот народ был своим, он говорил на нашем языке и был источником нашего благополучия – и при этом все равно был экзотическим. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. То была внутренняя колонизация, самоколонизация, вторичная колонизация собственной территории».⁵⁵

Колониализм в России не был «кровожадным», он не допускал полного истребления отдельных народов, однако для движения вверх по социальной лестнице нужно было знать русские обычаи и владеть русским языком. Можно говорить о скрытом «имплицитном» колониализме, который не уничтожал малые народы, но побуждал их русифицироваться в обмен на социальные блага и статус. В ходе такой политики центральные регионы России лишились своего лучшего генофонда, т.к. все самые талантливые и способные люди уезжали осваивать регионы, населённые другими этносами⁵⁶.

Конфликт с Казахстаном⁵⁷ в 2020 году говорит о сохранении колониального мышления среди российских элит. Современная Российская Федерация уже не может неограниченно контролировать бывшие советские республики, которые российские элиты

⁵⁴ Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации. Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Электронный ресурс. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstanis-reaction-to-the-statements-of-russian-deputies-about-the-kazakh-territory/31002411.html> Дата последнего доступа: 18.06.2021

до сих пор считают сферой своих интересов. События в Восточной Европе 2020⁵⁸ года многие исследователи и публицисты называют закатом российского колониализма.

Тем не менее, в рамках Российской Федерации присутствует «внутренний» колониализм, который заключается в продолжении советской политики создания невыгодного положения языкам и культурам малых нетитульных народов.

2.1.7 Языковая ситуация

Языковая ситуация тесно связана с социальным аспектом языка. Данный термин начал активно использоваться в 1960-е гг. По мнению В.Аврорина⁵⁹ языковая ситуация являет собой конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их сосуществования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития. Отметим, что учёный применяет термин «языковая ситуация» как для моноязычной, так и для полиязычной языковой среды. На данном понимании языковой ситуации строится аргументация других авторов. Так, А.Швейцер и Л.Никольский рассматривают⁶⁰ языковую ситуацию не только, как совокупность социальных систем, но и их иерархию. Из этого вытекает, что в одноязычном обществе языковая ситуация представляет собой систему функционально распределённых форм существования одного языка, связанная с языковой коммуникацией. В многоязычном же обществе аналогичная система представлена разными языками, которые варьируются по сфере использования (средства межнационального, регионального и местного общения).

В дальнейшем понятие *языковая ситуация* стало рассматриваться или как фиксация сложившихся коммуникационных норм, или как сложный динамический процесс коммуникации. Наиболее комплексную и общепризнанную характеристику дал В.Виноградов, который выделяет⁶¹ следующие ключевые признаки языковой ситуации:

- лингвистический характер входящих языков: *одноязычные и многоязычные языковые ситуации*;
- структурно-генетические отношения между языками: *языковые ситуации с гомогенными и гетерогенными компонентами*;
- функциональная равнозначность – неравнозначность языков: *гармоничные языковые ситуации, в которых все языковые коды имеют равных статус, и*

⁵⁸ Революция в Беларуси, уступки альянсу Турции и Азербайджана в Нагорном Карабахе, смена власти в Кыргызстане, дипломатический скандал с Казахстаном.

⁵⁹ Аврорин В.А. Двужычие и школа. Проблемы иноязычия и двуязычия. М. Наука. 1972. С. 120.

⁶⁰ Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. Уч. Пособие. М., Высшая школа. 1978.

⁶¹ Виноградов В. А. Языковая ситуация. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 617.

дисгармоничные языковые ситуации, в которых языковые коды обладают разным статусом.

- характер доминирующего языка (металекта⁶²): эндоглоссная и экзоглоссная языковые ситуации.

Для понимания эволюции нормированных идиомов подробнее рассмотрим два вышеназванных типа языковых ситуаций:

- эндоглоссная⁶³ – образцом выступает один из вариантов национального языка в прошлом (норма, стандарт). Речь идёт о *ситуации, когда в стране металект – это местный язык*. Например, чешский язык.
- экзоглоссная⁶⁴ – ориентиром служит другой национальный язык. *Ситуация, когда металект в стране – иностранный язык*. Например, французский язык в Мали, Чаде, португальский – в Бразилии, в Анголе, русский – в Беларуси и частично в Украине.

Следует отметить, что существуют различные дифференциации двух данных типов языковой ситуации. Сложность выбора подходящего толкования данных терминов обусловлено их близостью с понятием моноязычной и мультязычной языковой ситуации. Трактовка, выбранная для данной дипломной работы, отражает становление современной языковой ситуации и понимание общей языковой картины через диахронный аспект. Очень часто эндоглоссное развитие языка может заменяться экзоглоссным, и наоборот. Происходит это, как правило, по причине смены языковой политики вследствие меняющихся внешних и внутренних факторов такими как утрата или восстановление государственности, социально-экономическое положение и запросы общества. В любом случае, обе динамики развития играют важную роль в эволюции национальных языков. Для удовлетворения коммуникационных потребностей общества каждому языку необходимо постоянное развитие и расширение собственного инструментария. Методов достижения цели две: эндоглоссная и экзоглоссная языковая эволюция⁶⁵. Развитие языка достигается через отмирание старых языковых парадигм. Создаются вакантные и вариантные звенья языковой системы. Вариантные звенья допускают межъязыковую вариативность, которая обеспечивает заимствование из языка-донора языком-

⁶² Металект – язык, доминирующий в государстве в языковой ситуации функционирования в нем (в государстве) нескольких языков или их совокупности. См. Электронный ресурс <https://voluntary.ru/termin/metalekt.html>. Дата последнего доступа: 09.11.2020.

⁶³ Кобенко Ю.В. К дифференциации понятий «экзоглоссия» и «экзоглоссная языковая ситуация». Современная теория языка. Томск, 2010.

⁶⁴ Там же. См. также об этом: У.Іваноў. Фемінізацыя *pomina agentis* беларускай мовы і праблема каланізацыі. Электронный ресурс. <http://palityka.org/wp-content/uploads/2013/03/Ivanou.pdf> Дата последнего доступа: 18.06.2021

⁶⁵ Кобенко Ю.В. Эндоглоссная и экзоглоссная фазы языковой эволюции. Лингвистика. М., 2010.

реципиентом. По степени интенсивности заимствований можно выделить обновление (умеренное заимствование) и реконструкцию (инвазивное заимствование). Отметим, что в качестве донора может выступать как экзогенный языковой код, так и более ранний и «чистый» вариант национального языка.

Тенденции развития языка также две: архаизация (консервация и сбережение устоявшихся языковых норм) и ксенизация (активное развитие языка). Архаизация традиционно характерна для бытовых языков (диалекты, говоры). Ксенизация – для культурных языков, которые развиваются согласно выбранному стандарту. Данные языковые архетипы отражают разные типы языкового развития. Малые языки ради сохранения и выживания архаизируются. Большие же языки ксенизируются для роста и развития. Ксенизация традиционно ведёт к аналитизму, архаизация – к синтетизму⁶⁶.

Соответственно, в экзогlossной фазе характер языка-реципиента будет пермиссивным к заимствованиям. В эндогlossной фазе – рестирикативным к заимствованиям. На современном этапе и многие большие языки, классически бывшие донорами для малых, сами стали реципиентами. Связано данное явление с глобализацией и неоспоримым доминированием английского языка в мировой повестке. С одной стороны английский язык стремительно развивается, впитывая и адаптируя чужие для себя лексемы и реалии, играя роль языка международного общения. С другой стороны английский язык является донором абсолютного большинства языковых инноваций для практически всех литературных языков мира. Всё это вынуждает прибегать к защите «домашнего» лексического фонда всех остальных крупных мировых языков. В условиях глобализации к наиболее открытым, по мнению Б. Кобенко⁶⁷, принадлежат немецкий и французский языки. Потребность к межъязыковому диалогу и укреплению сотрудничества между странами способствует активной ксенизации мировых языков, желание сохранить самобытность – к архаизации. Возникающий конфликт двух подходов, по мнению учёного, выплёскивается на уровне национальной культуры, ведя к дисперсии культурного поля, что порождает вынужденную архаизацию языков. Граница языковой толерантности (способность воспринимать «чужое») у каждого языка особая и определяется она сложившейся традицией.

Ряд германоязычных учёных, придерживающихся пуристический взглядов, (например В.Крамер⁶⁸) даже говорят о «макдольнизации»⁶⁹ немецкого языка, подразумевая под этим размытие языкового стандарта и слепое следование англоязычным

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Krämer W. Modern talking auf Deutsch. Ein populäres Lexikon. München, Zürich: Piper Verlag, 2001.

⁶⁹ Адаптируя социологический термин Джорджа Ритцера под нужны лингвистики.

нормам. Данное явление также характерно в большей или меньшей степени для всех литературных славянских языков.

2.1.8 Языковая политика

Языковая политика – система мероприятий для решения языковых проблем в социуме и государстве⁷⁰. В моноэтническом государстве принципы языковой политики, как правило, однозначны. Намного более сложная ситуация складывается в мультилингвальных и постколониальных странах.

В. Алпатов считает⁷¹, что языковая политика не может быть однозначной даже в таких мононациональных государствах, как Япония. В любом обществе всегда в той или иной степени возникает конфликт потребности идентичности и потребности взаимопонимания. Потребность идентичности заключается в необходимости в любой коммуникативной ситуации пользоваться «своим» языком (языком, усвоенным в детстве). Потребность взаимопонимания заключается в желании каждого из участников коммуникативного акта без ограничений общаться со своими собеседниками независимо от того, какой язык является их родным.

Принято считать, что удовлетворение обеих потребностей возможно лишь в моноязычном обществе. Тем не менее, в условиях современного глобализированного мира моноязычие является достаточно большой редкостью. Если общество не является традиционно мультилингвальным, то свою роль, так или иначе, играет современный «лингва франка» – английский язык. Коммуникация между носителями разных языков уже не воспринимается, как нечто новое. Однако и это ведёт к некоторым сложностям. Особенно, когда язык общения является родным лишь для некоторых участников коммуникативного акта. К примеру, когда русский и белорус общаются между собой на русском языке, а француз и бельгиец на французском языке, то потребность взаимопонимания выполняется у обоих собеседником. Потребность же идентичности – только у русского и француза соответственно.

Основными посредниками проведения языковой политики между государством и обществом являются система образования и СМИ. Они же зачастую транслируют так званую *языковую идеологию* – понятие, тесно связанное с социолингвистикой.

⁷⁰ Электронный ресурс <http://tapemark.narod.ru/les/616a.html> Дата последнего доступа: 22.11.2020

⁷¹ Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире. Научный диалог. М., 2013, С. 8-28.

2.1.8.1 Языковая идеология

П.Кроскрити выделил 5 базовых уровней⁷², на которых базируется языковая идеология:

- Интересы группы или индивидуума (языковая идеология представляет собой набор представлений о языке, формируемый в соответствии с интересом определённой социокультурной группы);
- Разнообразие идеологий (вытекает из социальных различий: пол, поколение, социальная группа);
- Представление носителей (которые формируются за счёт различных представлений носителей о местных языковых идеологиях);
- Посреднические функции идеологии (различные языковые идеологии членов общества соединяют различные социальные структуры и способы говорения);
- Роль языковой идеологии в создании идентичности (продуктивность языковых идеологий зависит от признания и репрезентации разных социокультурных идентичностей).

В англоязычной литературе также популярен другой социолингвистический термин: *отношение к языку (language attitudes)*, которое в последнее время приобретает окраску понятия, описывающего индивидуальный уровень восприятия того или иного языка⁷³. За индивидуальным восприятием языка, как правило, стоит набор бытующих языковых идеологий.

Тем не менее, возникает логичный вопрос: Как найти компромисс при всём разнообразии языковых идеологий? Ответом на данный вопрос может служить *стандартизация* литературного языка, формирующая *идеологию стандартного языка*. Изучению данной проблематики много внимания посвятил Джеймс Милрой⁷⁴, который исследовал, к чему ведёт языковая стандартизация. По его мнению, полностью стандартизированная норма, не допускающая вариативности, не может функционировать. Соответственно, стандартизация языка – постоянный процесс, который происходит вместе с изменением языковых норм. Одним из результатов стандартизации является возникновение у носителей языка ощущения «правильной» формы языка. В языковых пространствах, в которых функционирует стандартный язык, по мнению Д.Милроя,

⁷² Kroskity, Paul. Language ideologies. In: Alessandro Duranti (ed.), *A Companion to Linguistic Anthropology*. Oxford, Blackwell, 2004, P. 496–517.

⁷³ Dyers C., Abongdia J. F. An exploration of the relationship between language attitudes and ideologies in a study of Francophone students of English in Cameroon. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2010, Vol. 3, № 12, P. 119–134.

⁷⁴ Milroy, James. Language ideologies and the consequences of standardization. *Journal of Sociolinguistics*, 2001, № 5, P. 530–555.

существует общественное убеждение о том, что в условиях функционирования двух и более норм⁷⁵, лишь одна может быть правильной. Соответственно, идеология стандартного языка требует от носителей принятия её норм, как универсальных и не зависящих от их – носителей – воли (подобно тому, как мы принимаем закон или нормы общественного поведения, традиции, а также различные суеверия; условно, потому что так всегда было и так правильно). Д.Милрой замечает, что языки, которые не стандартизированы, не поддаются комплексному лингвистическому описанию. Таким образом, идеология стандартного языка выступает в роли универсальной стабильной формы, которая являет собой комплекс представлений о языке, существующий в общественном сознании.

2.1.8.2 Языковой менеджмент

Со стандартизацией языка тесно связывают *языковое планирование* и *языковой менеджмент*, которые, на первый взгляд, являются тождественными понятиями.

Языковое планирование начали изучать в 60-е гг. прошлого столетия. Данное направление социолингвистики возникло вследствие распада колониальной системы, ставя своей задачей найти решение возникших языковых проблем. Смысл языкового планирования заключается в мотивировании изменений в языке. Можно выделить 3 его типа⁷⁶:

- Статусное планирование (касается разновидностей языка (variet) или языков и их функций);
- Корпусное планирование (касается собственно формы разновидностей языка (variet) или языков);
- Аквизиционное планирование (касается способов изучения и освоения разновидностей языка (variet) или языков различными социальными группами).

Данное явление очень интересно проявляется и в родственных языках. Рассмотрим русский и украинский стандартные языки. Одна и та же лексема или грамматическая форма могут восприниматься совершенно по-разному носителями двух языков. Возьмём, к примеру, феминативы или звательный падеж (общеславянский⁷⁷). Носитель русского языка в рамках своего индивидуального языкового менеджмента использует данные категории слов или форм, как правило, для создания комичного, негативного или

⁷⁵ То есть в условиях любого вида диглоссии.

⁷⁶ Jan Chromý. *Základy sociolingvistiky*. Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum, 2014.

⁷⁷ Т.е. не т.н. второй звательный падеж в русском языке: мам, пап, Петь, Оксан, Свет, Дим и т.д.

пафосного стилистического оттенков. В тоже время носитель украинского языка выбирает данные категории слов для того, чтобы его речь звучала правильно и красиво. Может, это субъективно или неправильно, но примером такого восприятия и пользования языком может служить и автор данной работы как носитель русского и белорусского языков: вокатив и феминативы мне лично кажутся неправильными и неприемлемыми в русском языке, но в белорусском они для меня абсолютно естественны.

Языковой менеджмент возник как реакция на проблемы, поднимаемые языковым планированием. Одним из учёных, исследовавших данную проблематику, был и чешский лингвист Й. Неуступны. В отличие от языкового планирования языковой менеджмент изучается скорее на микроуровне, т.е. на индивидуальной языковой практике отдельных говорящих⁷⁸. Языковой менеджмент исходит из понятия «фразовый менеджмент», который может проявляться как «менеджмент» отдельных говорящих в определённых коммуникативных ситуациях (персональный, простой менеджмент), так и в случае институционального языкового управления (организованный, управляемый менеджмент)⁷⁹. Языковой менеджмент «основан на дифференциации двух процессов, которые являются характерными для использования языка: 1) продукция и перцепция высказываний или текстов, то есть: говорение, писание, аудирование и чтение, и 2) человеческая деятельность, нацеленная на продукцию и перцепцию высказываний или текстов, то есть метаязыковая деятельность»⁸⁰. Вторым процессом является, собственно языковым менеджментом. Ключевым вопросом языкового менеджмента, таким образом, являются отношения между фразовым и институциональным менеджментом. То есть, с одной стороны, он изучает, как мы общаемся, как реагируем на языковые проблемы и как их решаем, а с другой, — как влияют на язык различные институты, которые могут влиять на язык.

Таким образом, языковое планирование реализуется на общенациональном уровне. Языковой менеджмент является более индивидуальным. Языковой менеджмент, в отличие от языкового планирования, на микроуровне изучает не только влияние государственных языковых институций, но и различных меньших институций и органов (языковая корректура в СМИ, деятельность различных лингвистических школ и т.д.)⁸¹.

⁷⁸ Jan Chromý. Základy sociolingvistiky. Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum, 2014.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Электронный ресурс <http://languagemanagement.ff.cuni.cz/ru/node/413> Дата последнего доступа: 29.04.2021

⁸¹ Там же.

Также следует отметить, что языковой менеджмент очень тесно связан с *прагматикой языка*. Эти понятия тесно переплетены, и между ними следует провести различия.

Прагматика в лингвистике – это дисциплина лингвистики, изучающая применение и работу знаков языка в речи с точки зрения отношений между знаком и его пользователем, а также особенности создания языковых высказываний, зависящих от особенностей участников речевого акта – от используемых речевых способов, ситуаций говорения и прочего⁸².

Предметом изучения данной дисциплины является выявление лексического значения разных языковых компонентов в различной языковой среде, т.е. при разных условиях их использования в речи. Прагмалингвистика делится на две значимые части – функциональную и скрытую⁸³. Функциональная изучает речь с позиции говорящего, осознанно, мотивированно и целенаправленно выбирающего языковые средства для необходимого воздействия на реципирующую сторону. Скрытая изучает автоматический выбор автором текста грамматических и текстовых речевых единиц, то есть многократное повторение речевых сигналов постепенно становится машинальным, неосознаваемым⁸⁴.

Соответственно, прагматика языка заключается в подборе слов, который осуществляет говорящий в зависимости от ситуации. То есть это использование различных языковых инструментов для достижения определённых невербальных целей. Примером может служить то, какое слово мы подбираем, приветствуя кого-либо (*Привет, Здравóво, Хай / Ahojky, Šuz, Šauku t'ňauku* apod.). В зависимости от выбранного слова мы преследуем определённые цели. Например, *привет* – нейтральное приветствие, в то время как, например, *хай*, стилистически является более окрашенным приветствием.

2.2 Лингвистические термины и понятия

2.2.1 Словообразование (деривация, суффиксация, моция)

Деривация, суффиксация, моция. Эти три термина активно используются в языковедческой литературе для описания морфологических процессов, с помощью которых мы создаём феминативы. Принято считать, что *деривация* является самым широким понятием, т.к. она включает в себя *основосложение*, *аббревиацию* и, собственно, *суффиксацию*, которая являет собой создание дериватов исключительно с помощью

⁸² Электронный ресурс <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/pragmatika-v-lingvistike/?q=486&n=2325> Дата последнего доступа: 21.06.2021

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

суффиксов. Суффиксация является основным способом словообразования, рассматриваемым в данной работе, т.к. абсолютное большинство агентивных феминативов являются производными от агентивных маскулинизмов и создаются как раз при помощи суффиксов.

Кроме того, ключевым понятием для данной дипломной работы выступает понятие *мощия*. В русскоязычных публикациях данный термин практически отсутствует. Однако он активно используется в украинском (*моція*) и чешском (*přechylování / mocse*) языкознании. В русском языке традиция описывать данное понятие достаточно новая. Т. Архангельская в своей русскоязычной диссертации⁸⁵ использует термин *мовирование*. Условимся использовать этот термин в данной работе. Под этим термином будем понимать создание слов женского рода, семантическое значение которых совпадает с уже существующими словами мужского рода или наоборот.

Мовирование бывает двух видов:

- суффиксальное (*учитель – учительница*);
- флективное (*кум – кума*).

По типу создания существительных-феминативов мовирование может быть *интегральным* (использование одинаковых основ), напр. **продавец – продавщица**, **спортмен – спортсменка**, или *супплетивным* (использование разных основ), напр. **číšník – servírka** в чешском языке.

Основным двигателем словообразования в любом языке является языковая мотивация, которая представляет собой центральное понятие словообразования. Вопросы мотивированности знака наиболее чётко были изложены Фердинандом де Соссюром, который писал, что «не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немислимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – можно найти все промежуточные случаи. Во всех языках имеются двоякого рода элементы – целиком произвольные и относительно мотивированные, – но в весьма разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации⁸⁶». Отметим, что в славистике термин *мотивация* долгое время отсутствовал и вошёл в неё в 1962 году после публикации книги М.Докулила «*Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*»⁸⁷.

⁸⁵ ARKHANGELSKA, Tetiana. *Симметрия и асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в славянских языках*. Disertační práce. Univerzita Palackého v Olomouci, 2014.

⁸⁶ Де Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 165.

⁸⁷ DOKULIL, Miloš. *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*. Nakladatelství Československé akademie věd. Praha, 1962.

Слова бывают мотивированные и немотивированные. Очень простую характеристику их различий приводит⁸⁸ Э. Балалыкина: «Слова дубняк, учитель, расчистить, беловатый и др. – производные, так как называют предметы, явления или действия мотивированно по отношению к тому, что указано производящими дуб, учить, чистить или белый, которые, в свою очередь, являются непроизводными, так как называют предметы или явления реальной действительности непосредственно, безотносительно, немотивированно». То есть при построении словообразовательного гнезда все исходные слова будут одновременно являться немотивированными. Тем не менее, каждое немотивированное слово содержит минимум одну мотивирующую основу (в случае основосложения речь идёт минимум о нескольких мотивирующих основах). Мотивирующая основа, сочетаясь со словообразовательными формантами далее образует различные мотивированные слова⁸⁹. В роли словообразовательного форманта, как правило, выступают различные аффиксы и флексии.

Наука, которая занимается изучением мотивации слов, сформировалась в 80-е гг. прошлого столетия и называется *мотивология*. Современная терминологическая база мотивологии представлена в «Словаре терминов мотивологии»⁹⁰. Само создание подобного терминологического корпуса позволило систематизировать и переосмыслить уже существующие понятия, а также разработать новые (мотивема, мотиватор, мотивирующее слово, мотивационная форма, мотивационное значение, мотивационная парадигма и т.д.).

Данная наука непрерывно связана с *обыденным языковым сознанием*⁹¹, которое являет собой несистематизированный, низший уровень языкового сознания, содержащий в себе различные суждения, стереотипы, взгляды, которые отражают явления, существующие в повседневной жизни. С данным понятием тесно связан термин *метаязыковое сознание*⁹². Этот термин А.Ростова определяет как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии и т.д.»⁹³ Метаязыковое сознание может быть: теоретическое и обыденное. Последнее считается одним из главных составляющих

⁸⁸ Балалыкина, Э.А. Русское словообразование. Учебное пособие. Казань, 1985.

⁸⁹ Электронный ресурс: <https://www.textologia.ru/russkiy/morfemika-slovoobrazovanie/slovoobrazovanie/motiviruyuschaya-osnova-i-slovoobrazovatelny-formant/170/?q=463&n=170>
Дата последнего доступа: 09.02.2021

⁹⁰ Блинова О.И. Словарь терминов мотивологии. Русская мотивология. Томск, 2000. С. 13-47.

⁹¹ Блинова О. И. Обыденная мотивология. Сибирский филологический журнал. Томск, 2008.

⁹² Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.

⁹³ Там же

обыденной лингвистики. Субъектом, носителем обыденной речи является говорящий-носитель обыденного метаязыкового сознания.

При выборе феминативов мы тоже мотивированы. Взаимосвязь мотивации речи, языкового прагматизма и менеджмента видится нам интересным фундаментом для дальнейшего изучения феминативов, однако, в данной работе она проводиться не будет.

2.2.2 Морфологические предпосылки создания и использования феминативов

Согласно структуралистской теории В.Скалички мы можем выделить 5 морфологических типов языка⁹⁵:

- Флективный;
- Агглютинативный;
- Аналитический (изоляционный);
- Полисинтетический;
- Интрофлективный.

Известно, что ни один язык не является примером какого-то одного типа, но всегда является смесью всех типов, которые представлены в большей или меньшей мере⁹⁶.

Праславянский и церковнославянский языки относились к флективному типу. Современные славянские языки также традиционно считаются флективными (в них преобладают черты флективного типа). Исключением являются болгарский и македонский языки, которые в настоящее время выражают разные грамматические категории изоляционно (аналитический тип). Среди восточнославянских языков наибольшее количество флективных характеристик (супплетивизм, чередования в корне и т.д.) содержится в украинском языке. Русский же язык имеет ограниченную флективность, тяготея к более активному использованию служебных слов, что является характерным для аналитического типа. Соответственно, стремление к аналитизму сужает активность использования флексий. Белорусский язык имеет две кодификации: т.н. «наркамаўку» и «тарашкевіцу»⁹⁷. Первая, базирующаяся на разговорной основе, обладает многими флективными чертами, которых, однако, меньше, чем в украинском языке. Вторая же, ориентирующаяся на русский язык, копирует многие его модели и тяготеет к аналитическому типу.

⁹⁵ SKALIČKA, Vladimír. *Typ češtiny*. Praha, 1951.

⁹⁶ Здесь и далее в этом пункте использованы идеи и материалы прослушанных в 2019 году лекций курса *Slovanská synchronní kontrastivní a srovnávací jazykověda A*. Код предмета: AVS500206. Лектор: PD Dr. phil. Markus Giger, mimořádný profesor Univerzity Karlovy.

⁹⁷ Об этом см. подробнее пункт 3.3. данной работы.

Русский язык единственный из всех восточнославянских базируется не на разговорной основе, но является адаптацией церковнославянского. Второе южнославянское влияние XIV – XVI вв. привнесло в церковнославянский язык русского извода огромное количество заимствований из болгарского извода (в меньшей мере сербского извода). В группе восточнославянских языков лишь русский язык базируется на церковнославянском наследии, в то время как украинский и белорусский языки кодифицированы на основе разговорных диалектов.

Как уже было сказано, русский язык является флективным, но тяготеет к аналитическому типу, соответственно, можно выдвинуть гипотезу о том, что русский язык не использует феминативы⁹⁸, т.к. каждый дериват любого существительного увеличивает существующую флективность. А вот использование маскулинных агентивов в качестве обобщающих нам кажется примером изоляционного типа. Для иллюстрации рассмотрим английское предложение (в английском языке доминирует аналитический тип):

A new doctor came.

Перевод на русский язык может иметь две формы:

Новый доктор пришёл.

Новый доктор пришла.

Соответственно, флективность существительного здесь ограничена, однако для выражения рода в роли служебного слова выступает глагольная форма прошедшего времени, имея или нулевое окончание, или окончание «-а».

Данная гипотеза, очевидно, является спорной, потому что феминативы, к примеру, очень активно используются в аналитическом болгарском языке. В то же время польский язык, флективность которого превышает показатели любого восточнославянского языка, ограничивает использование феминативов по тем же причинам, что и русский язык (неблагозвучность, создание дополнительной нежелательной омонимии и т.д.⁹⁹). Мы понимаем спорность этой гипотезы, но всё же она нам кажется интересной в плане частичного объяснения различного функционирования феминативов в современных русском, белорусском и украинском языках.

⁹⁸ Об этом см. подробнее пункт 3.4. данной работы.

⁹⁹ См. там же.

3. ФЕМИНАТИВЫ УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Вторая часть данной магистерской работы посвящена общему обзору существительных *nomina agentis* в трёх восточнославянских языках: украинском, белорусском и русском. Особое внимание сконцентрировано на общей языковой ситуации, названы основные точки зрения на использование феминативов в каждом из языков и проанализированы основные способы их создания. Особенности каждого языка в интересующих нас аспектах прокомментированы в отдельных пунктах.

3.1 Краткая история феминативов восточнославянских языков

Как уже было сказано ранее, основной спрос на феминативы возник в XIX веке. Очень активен он и сейчас. Но прежде, чем рассматривать феминативы отдельно в современных украинском, русском и белорусском языках, остановимся на древнерусском¹⁰⁰ и последующих периодах развития этих языков.

Итак, самые ранние древнерусские письменные памятники фиксируют 2 варианта использования феминативов¹⁰¹:

- Лицо женского пола, являющееся производным от аналогичного и семантически тождественного слова мужского рода (кормилец – кормилица; старец – старица);
- Супруга лица, профессия, чин или социальный статус которого выступили в роли производящего слова (помещик – помещица).

Для древнерусского периода характерны различные параллельные модели и неустойчивые словообразовательные формы. В период VI – XIV вв. памятники

¹⁰⁰ Следует отметить, что данный термин используется в русскоязычных исследованиях, а потому будет использоваться и здесь. В украиноязычной среде данный период называется *давньоруським, спільноруським, спільносхіднослов'янським* и т.д.. Півторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов: Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі «спільної колиски». — К., 2004; Півторак Г. П. Українці: звідки ми і наша мова. — К., 1993; Шевельов Ю. Історична фонологія української мови. — Х.: Акта, 2002. — 1066 с. (Частковий онлайн-доступ до книги на сайті litorus.org.ua); Шевельов Ю. Чому общеруський язык, а не віборуська мова? — К., 1994; Хронологія мовних подій в Україні. Зовнішня історія української мови IX - XX ст. / Віктор Кубайчук ; [упоряд.: О. Кочерга, Д. Кубай(чук)]. - Вид. 2-ге, випр. й допов. - Київ : К.І.С., 2020; Причинки до історії української мови: [монографія] / М. Мозер ; за заг. ред. С. Вакуленка. — 3-те вид., перегл. і поправл. — Вінниця: Нова книга, 2011; Царук О. Українська мова серед інших слов'янських: етнологічні та граматичні параметри: Монографія. — Дніпропетровськ: Наука і освіта, 1998; Німчук В. Історія української мови. Хрестоматія X-XIII ст. — Житомир: Полісся, 2015; Горбач О. Засади періодизації історії української літературної мови й етапи її розвитку // Машинопис. резюме доповіді на II Конгресі МАУ. — Львів, 1993; Онуфрієнко Г. С., Хваткова С. О. Проблема походження й періодизації української мови в концепціях і гіпотезах XX століття: Зб. наук. пр. VI Всеукр. наук.-практ. конф. «Державна етнонаціональна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України» / Під заг. ред. М. В. Дедкова. — Запоріжжя: Облдержадміністрація, ЗНТУ, 2005.

¹⁰¹ Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М: Наука, 1984. С. 43

фиксируют следующие суффиксы для образования феминативов: «-ик»/«-иц(а)», «-ник»/«-ниц(а)» (*ключник – ключница, посадник – посадница*). Продуктивными были также корреляты женского рода на «-иц(а)» к наименованиям лиц мужского пола на «-ец» (*кормилец – кормилица, старец – старица*). Суффиксы «-ин»/«-ын(я)» не были в тот период продуктивны. Данные пары встречаются в основном в книжно-письменном языке (*господин – господня, селянин – селяныня*)¹⁰².

Памятники XIV – XVII вв. фиксируют корреляты женского рода с суффиксами «-(о)к»/«-(е)к» (*богатырка, цыганка, бобылка, воровка*). Производные слова данного типа образуют пары с наименованиями лиц мужского пола различных словообразовательных типов, независимо от родства суффикса пары мужского рода с суффиксами «-(о)к»/«-(е)к» (*немчин», «немец» – «немка»; турчин, турчанин, турок – турчанка; челядин, челядинец, челядник – челядинка*)¹⁰³. Ю.Азарх считает, что «это указывает на разрушение в старорусский период свойственной древнерусскому языку жесткой связи только определенных словообразовательных типов наименований лиц мужского и женского пола»¹⁰⁴. Также в старорусский период оказываются продуктивными корреляты с суффиксом «-ниц(а)»: (*владелецница, гадательница, служительница, кормительница*). Наличие маскулинизмов с суффиксами «-щик»/«-чик» в древнерусский период обусловило появление коррелятов женского рода с суффиксами «-щиц(а)»/«-чиц(а)»: (*помещик – помещица, баничник – банищица*)¹⁰⁵.

В разговорном языке данного периода появляются многочисленные образования с суффиксом «-их(а)» [14]: «бобылиха», «колдуниха», «вориха»¹⁰⁶. Ю.Азарх сделала вывод, что данный суффикс был северославянской инновацией, подтверждением чему служит первоначальный ареал его распространения. Его диалектное происхождение и ограниченность профессий, доступных женщинам, не позволили ему конкурировать на равных с более продуктивными суффиксами того времени. Сниженная стилистическая маркировка данного суффикса также обусловлена его диалектностью и является вторичной. Интересно отметить, что, например, в разговорном украинском языке суффикс «-их(а)» активно употребляется до сих пор, хотя и не так продуктивно, как в XIX – XX веке. Традиционно в большинстве случаев он обозначал и обозначает не женщину,

¹⁰² Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—22.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. С. 117.

¹⁰⁵ Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—22.

¹⁰⁶ Азарх Ю. С. Слова на -иха в русском языке. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1979. С. 175–195.

занимающуюся некоторым видом деятельности, а жену представителя какой-то профессии или должности либо жену носителя определённой фамилии или прозвища (ковалиха, дьячиха, Кучеренчиха (от фамилии мужа Кучеренко), Макогониха (от прозвища мужа Макогон) и др.). В современных реалиях случаются также и примеры двойного употребления: головиха – жена председателя (головы) и головиха – женщина-председатель; сторожиха – жена сторожа и сторожиха – женщина-сторож.

В период до начала XVIII в. корреляты женского рода также образовывались от мужских бессуффиксных существительных с основой на согласный и нулевым окончанием с помощью суффикса «-иц(а)» (*дьяконица, докторица, злодеица, пророчица, лекарица*). В древнерусском языке также существовал особый тип обозначения жены, образованный с помощью суффиксов «-ов»/«-ев» (*дияконова(я), королева(я)*). В период с XIV в. эта модель стала непродуктивной¹⁰⁷.

В деловом языке древнерусского периода появляются самостоятельные агентивные феминативы, образованные с помощью суффиксов «-ј(а)» и «-ниц(а)» и не являющиеся коррелятами к мужскому роду или производными от него (*ткаля, пряля, швея, браля, скатерница, мытница*)¹⁰⁸. Ю.Азарх считает, что «появление подобных личных дериватов женского рода вызвано внеязыковыми причинами, но возможность производства наименований лиц женского пола по образцу, а не непосредственно от личных имен мужского рода или от общей с ними основы реализуется в старорусский период, видимо, в связи с развитием категории одушевленности/неодушевленности»¹⁰⁹. Следовательно, уже в старорусском периоде прогресс в развитии женского труда позволил начать формирование словообразовательных типов слов исключительно женского рода.

Период петровских реформ начала XVIII в. принёс новый инновативный суффикс «-ш(а)», первоначально обозначавший жену какого-либо работника. Первой данный тип слов фиксирует «Российская грамматика» М. Ломоносова, где приводятся десять слов на «-ш(а)» (*генеральша, бригадирша, секретарша, капитанша* и др.)¹¹⁰. Во второй половине XVIII в. словари фиксируют слова *музыкантша* и *богатырша* уже со значением женской

¹⁰⁷ Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—22.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М: Наука, 1984. С. 117.

¹¹⁰ Электронный ресурс http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml См.: § 239, 240, 241. Дата последнего доступа: 21.06.2021.

деятельности, а не обозначения жены по роду деятельности мужа¹¹¹. Н.Шанский, анализируя предпосылки возникновения суффикса «-ш(а)», заметил, что данный суффикс в основном используется в сочетании с иноязычными основами, оканчивающимися на «-р», «-л», «-м», «-н», «-нт», что указывает на иноязычность и самого суффикса. Н.Шанский предположил, что суффикс «-ш(а)» был впервые заимствован в начале XVIII в. из нижненемецкого языка, где данный суффикс используется для обозначения жен некоторых лиц мужского пола (*Doctorsche, Generalsche*)¹¹². В процессе адаптации в русском языке они, будучи словами женского рода, получили окончание «-а», а по аналогии с другими суффиксами был выделен суффикс «-ш(а)», который быстро стал достаточно продуктивным и, в связи с продолжающимся развитием женского труда, начал использоваться для обозначения новых профессий, открывавшихся женщинам. Таким образом, первоначальная функция обозначения жены по роду профессиональной деятельности супруга отошла на второй план. Отметим, что в среде противников феминативов бытует мнение, что слова женского рода с суффиксом «-ш(а)» не могут обозначать женщин по профессии, что является неверным. Так, например, в украинском языке в XX веке в разговорной речи конкурировало множество вариантов, обозначающих женщину по роду её деятельности: лікарка – лікарша, ліфтерка – ліфтерша, диспетчерка – диспетчерша, прокурорка – прокурорша, бібліотекарка – бібліотекарша и т. д. Сегодня варианты с суффиксом «-ш(а)» активно вытесняются вариантами с суффиксом «-к(а)» и стремительно отходят в пассивный фонд. Можно, конечно же, дискутировать о том, украинские ли это варианты или же они являются примером суржика, но то, что они стали примечательной чертой разговорного украинского языка прошлого века, остаётся неоспоримым фактом.

В XVIII в. возникает множество номинаций, не зависящих от коррелятов мужского пола, (*выжигщица, акушерка, горничная, бельемоя, веношница, гадалка, вольнодомка, ключница* и пр.)¹¹³. В XIX в. появляется больше возможностей для женской профессиональной деятельности, что провоцирует всплеск появления новых словообразовательных форм и моделей, многие из которых дошли до наших дней (*наборщица, обувщица, переводчица, стенографистка, фельдшерщица, живописица,*

¹¹¹ Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—22.

¹¹² Шанский Н. М. Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса –ша. Русский язык в национальной школе. 1959. № 4 (3). С. 65–67.

¹¹³ Демичева В. В. Наименования лиц женского пола в русском языке XVIII века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Воронеж, 1995.

*композиторша, лингвистка, портретистка, писательница, конфетчица, гардеробищица, философка, директриса, инспектриса, поэтесса и др)*¹¹⁴.

3.2 Украинский язык

За долгие годы коммунизма украинский язык упрощался, все самобытные (неудобные для режима) особенности украинского языка были искусственно приближены к русскому языку. После распада СССР из всех восточнославянских языков именно украинский пошёл на самые большие изменения. Помимо языковой реабилитации, реактивации и актуализации многих лексем, украинский язык развивается также по пути языковых преобразований на уровне синтаксиса, грамматики, морфологии, что особенно выделяет его среди восточнославянских языков.

3.2.1 Актуальная языковая ситуация в Украине. Основные тенденции.

В первые годы после Октябрьского переворота украинскому языку не строились никакие препятствия. Различные украинские лингвисты и литераторы могли относительно свободно участвовать в формировании новой нормы украинского литературного языка. В 1926–1928 гг. было оформлено т.н. «скрыпниковское» правописание (по имени главного автора – народного комиссара по образованию Николая Скрыпника¹¹⁵). Однако уже в 1933 году комиссия во главе с Андреем Хвылей¹¹⁶ объявила сформировавшуюся норму «националистической», что вызвало прекращение печати и использования существовавших словарей и учебников. В предельно сжатые сроки (5 месяцев) был разработан новый проект правописания, который во многом лишил украинский язык выразительности и самобытности, приблизил норму украинского языка к русскому. Последующие реформы правописания проходили в 1946 и 1959 годах в строгом соответствии с нормами русского литературного языка. Становление постперестроечной, современной нормы украинского языка продолжается до сих пор. Сложности её закрепления связаны с социально-политическими процессами, начатыми в Украине после распада СССР.

¹¹⁴ Еременко О. И. Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Воронеж, 1998.

¹¹⁵ Николай Алексеевич Скрыпник (1872-1933) – партийный деятель УССР, в период 1927-1933 гг. занимал должность наркома просвещения УССР, 06.09.1928 своим указом утвердил новое правописание украинского языка. 07.07.1933 г. покончил с собой.

¹¹⁶ Андрей Ананьевич Хвыля (1898-1938) – партийный деятель УССР, один из главных борцов с т.н. «украинским национализмом». С 1933 года занимал должность заместителя народного комиссара по образованию УССР. Был расстрелян в 1938 году как антиреволюционер и агент иностранной разведки.

В вопросе использования феминативов в современном украинском языке борются 2 подхода¹¹⁷:

- Лексико-деривационный тип детерминации женского рода, заключающийся в использовании пар однокоренных слов, где слово женского рода является производным от мужского при помощи специальных суффиксов – мовирование (*актор – акторка, поет – поетка*).
- Аналитический (синтаксически-согласованный) тип, когда категория рода существительного выражается с помощью других частей речи, которые согласуются с существительным (*талановита критик, наша правник, прокурор попросила*).

То есть мы видим совпадение с двумя борющимися тенденциями других славянских языков. Учитывая родственность славянских языков, становится очевидным, что перед нами, с одной стороны, вопрос общеславянского дискурса, т.к. языковые средства и грамматика славянских языков по сути, ведут к возникновению подобной проблемы. С другой же стороны, учитывая уходящую популярность в украинском языке второго типа (характерного для русского и польского языков) и возрастающую популярность первого (распространённого в болгарском, чешском, словацком, сербском языках), становится очевидным, что в украинском языке также разворачивается и постколониальный дискурс, т.к. после распада СССР русский язык превратился из положительного образца в отрицательный (об этом см. подробнее на С. 22 данной работы), что обуславливает старый-новый взгляд на использование феминативов в современном украинском языке. Также в пользу лексико-деривационного типа говорит тот факт, что литературный украинский язык базируется на разговорной основе и не испытал на себе такого влияния церковнославянского языка, как русский. Соответственно, литературный украинский язык не испытывает необходимости в такой чёткой дифференциации «высокого» и «низкого». Феминативы для украинского языка прирождённо не являются настолько просторечными и не обладают такой сниженной маркировкой. По мнению А. Стишова¹¹⁸ возрастающему количеству инноваций на всех уровнях украинского языка способствуют два фактора:

- Экстралингвальные (независимость Украины, становление украинского языка в качестве государственного и повышение его социального престижа,

¹¹⁷ Степаненко М. І. Сучасна лінгвофемінізація: родова диференціація, перифрастична номінація. Лінгвістичні дослідження. Харків, 2018. Вип. 4. С. 78-90.

¹¹⁸ Стишов О. А. Номінації осіб у сучасній українській мові (на матеріалі дискурсу ЗМІ). Мовознавство. 2012. Вип. 6. С. 23–37.

общая демократизация, ослабление цензуры, интеллектуализация общества и пр.);

- Интралингвальные (наличие большого пласта лексики со своими специфическими особенностями, которые были нивелированы в советский период, принцип экономии языковой энергии, предпочтение экспрессивных форм вместо нейтральных и пр.).

«Активізація процесів словотвірної фемінізації на межі тисячоліть зумовлена в українському лінгвокультурному просторі взаємодією кількох чинників, як-от: демократизація суспільного життя, національно-мовний пуризм та вплив ідей феміністської, або гендерної, лінгвістики. Наслідком загальних процесів демократизації стала «снага українського суспільства до повнокровного самостійного розвитку своєї мови, що тривалий час перебувала під потужним впливом сильніших мов сусідніх народів»¹¹⁹.

3.2.2 Феминативы украинского языка

Историческим украинским словарям знакомы феминативы, однако, сфера их использования всегда была ограничена и не распространялась на все уровни языка. Украинские лексикографы лишь перечисляли известные языку феминативы. Но не исследовали их. Анализ и подсчёт феминативов в различных украинских словарях провела Я. Пузыренко: «у «Лексисі...» Лаврентія Зизанія (1596) вміщено 7 назв жінок, у праці Памва Беринди «Лексиконъ славеноросскій и именъ Тлькованіе» (1627) — 34, у «Синонімі словеноросскій» (17ст.) — 26 (з них 6 не зустрічається у Беринди), у словнику Б. Грінченка— 935»¹²⁰. В 1968 году И. Фекета насчитал уже 4388 феминативов¹²¹, отметив, что «у багатьох випадках співвідносні жіночі назви в мові існують, але позначка *розм.*, що стоїть у словниках біля цих слів, обмежує їх доступ до літературного вжитку»¹²².

СУМ¹²³, один из основных фундаментальных украинских словарей, фиксирует информацию непоследовательно. По мнению Я. Пузыренко¹²⁴, «впливом позамовних факторів на унормування назв осіб жіночої статі можна пояснити тенденцію, коли існує

¹¹⁹ Там же

¹²⁰ Пузыренко Я. В. До проблеми номінації осіб жіночої статі в українській мові (гендерний аспект). НаУКМА. Київ, 2000.

¹²¹ Фекета І. І. Жіночі особові назви в українській мові (творення і вживання). Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Ужгород, 1968.

¹²² Там же

¹²³ Білодід І. К. Словник української мови. В 11 т. — Київ, 1970–1980.

¹²⁴ Далее мы приводим очень широкую цитату, которая, как нам кажется, ярко демонстрирует несистемность в кодификации украинских феминативов-агентивов и указывает на актуальность этой темы.

співвідносний відповідник жіночого роду, але в словнику він засвідчений не в усіх тих значеннях, що й чоловічий.

Свідченням цього є слово *виконавиця*, яке в СУМІ пояснюється як жіноче до *виконавець* 2 (той, хто виконує музичний, літературний та інший твір або певну роль у театральній виставі, кінофільмі і т.ін.). А жінок, які підпадають під інші два значення (*Виконавець* 1. Той, хто виконує яке-небудь завдання, здійснює що-небудь: виконавець робіт, *Виконавець* 3. Особа, що виконує розпорядження якогось органу влади: судовий виконавець) за логікою укладачів словника слід називати чоловічою назвою.

Це стосується також і тлумачення в СУМІ інших лексем, зокрема, і згаданої вище лексеми *заступниця*— жін. до *заступник* 1, 3. Пор. *заступник* 1. Той, хто заступає, заміняє когось, виконує чийсь обов'язки. 2. Кого. Офіційна назва посади того, хто заміщає керівника. 3. Той, хто захищає когось, захисник.

Звертає на себе увагу і непослідовність у тлумаченні назв жінок у СУМі. Більшість назв пояснюється як «жін. до...» (співвідносна назва чоловічого роду), наприклад, «*аптекарка*— жін. до *аптекарь*», але «*доярка* — робітниця, яка доїть і доглядає корів» і «*дояр* — робітник, який доїть і доглядає корів». Характерно, що у випадку, коли назва не має співвідносного відповідника чоловічого роду, вона переважно тлумачиться як така, що стосується лише осіб жіночої статі: «*манікюрниця* — майстриня, що робить манікюр». Указані проблеми агентивно-професійної номінації жінок можуть розглядатися як досить істотна причина непослідовностей використання цього класу назв у мові, зокрема в офіційно-діловому її стилі, відтак їх системне розв'язання — актуальне завдання сучасного вітчизняного мовознавства»¹²⁵. Я. Пузыренко також отмечает, что в СУМе представлено около 7000 существительных-агентивов, из которых в женском роде представлены лишь 38 (0,54%). «Непоследовательность у вживанні агентивно-професійних назв жінок, зокрема в офіційно-діловому стилі мови, непослідовність у засвідченні цього класу назв лексикографічними працями – це те підґрунтя, яке живить гендерні асиметрії в мові»¹²⁶.

Последовательный исследовательский интерес к анализу мотивированных основ, с помощью которых образуются феминативы, возник в период украинизации в 20-е гг. XX века. Все достижения данного периода, начиная с 1930-х гг., систематически замалчивались. Тем не менее, именно из наработок раннесоветского периода современный украинский язык черпает лексику для реактивации.

¹²⁵ Пузыренко Я. В. До проблеми номінації осіб жіночої статі в українській мові (гендерний аспект). НаУКМА. Київ, 2000.

¹²⁶ Там же.

По мнению Н. Сулимы, одного из самых видных лингвистов 1920-х гг., украинскому языку не свойственно использование агентивных существительных исключительно в мужском роде (курсив наш. — В.М.), в чём заключается серьёзное различие между русским и украинским языками¹²⁷. «Професійні й інші подібні до них назви в українській мові бувають здебільшого осібні для чоловіків і осібні для жінок. Українська мова взагалі уникає вживати в спільному роді тих слів, що означають посаду, професію, звання, рангу тощо, й надавати тим словам ознак граматичного (формального) чоловічого роду без огляду на стать. У російській мові, як відомо, такі слова, як *от автор, композитор, писатель*, а так само, напр., *товариш, приятель*, однаково можуть стосуватися до осіб жіночої статі, як і чоловічої. В українській фразі буває інакше: *він — автор, вона — авторка; він — композитор, вона — композиторка, він — письменник, вона — письменниця', він — лікар, вона — лікарка', він — професор, вона — професорка* й т. ін»¹²⁸. Тем не менше, автор не уточняє, для яких стилей даний тип речі характерен. Однак далі він приводить аргументи того, що використання феминативів не завжди оправдано: «Коли професійні жіночі назви можуть причинитися до плутанини, коли зміст фрази стосується не до самих жінок, а й до чоловіків, взагалі — до людей, то ми вживаємо чоловічих назв і для жінок. Наприклад: *Леся Українка — один із найкращих поетів'*, коли б ми були сказали тут “одна з найкращих поеток”, то цим би ми підкреслили вагу Лесі Українки лише серед жінок-поеток, а не серед усіх поетів взагалі >...<Через це, говорячи, припустім, про якусь жінку, що вона—професорка історії, іноді треба буває сказати, що вона — видатний професор (знавець) історії, вона — один із найкращих професорів (знавців) історії. З тих самих міркувань загального характеру ми кажемо про жінок іще й так, напр.: *вона — секретар Сільради, вона на посаді рахівника, діловода, статистика, лаборанта, асистента', вона — завідувач школи й ін. >...<Звучи жінку чи дівчину товаришкою (а не товаришем), ми тимчасом можемо сказати так: Серед усіх моїх товаришів вона — найкращий мій товариш. Так само й це: Вона — моя велика приятелька, але вона — найбільший приятель мені серед усіх моїх приятелів. Вона — революціонерка, але вона належить до найвидатніших революціонерів. Вона письменниця, але вона — найпопулярніший тогочасний письменник і т. ін. Коли б і вдруге ми сказали були, напр., “письменниця” (а раніше — “революціонерка” тощо), то це не характеризувало б загальности, промовляло б лише за певне вузьке коло жінок, а не за всіх взагалі діячів якоїсь категорії»¹²⁹. То єсть, Н.Сулима опирається на генералізуючу*

¹²⁷ Сулима М. Українська фраза: коротенькі начерки.— Х., 1928.— 99 с.

¹²⁸ Там же

¹²⁹ Там же

форму маскулінізмів, що, в загальному, вважається справедливим для всіх слов'янських мов. Виходячи з цього можна зробити висновок, що використання фемінітивів в українській мові вважається закономірним, але суперечливим. Фемінітиви підходять для описання окремих жінок, але вони не підходять для описання різних професійних категорій цілком.

Вже в 1930-х рр. русифікація і активне розвиток української мовотворення зупиняється. Норми української мови починають штучно зближуватися з нормами російської мови. Деякі фемінітиви, як і багато інших типово українських слів, залишаються в словниках, але вже зі зменшеною стилістичною маркуванням.

Сучасну причину зростаючої популярності фемінітивів українські лінгвісти бачать в загальному демократизації і посиленні ролі української мови. Крім того, фемінітиви розглядаються в контексті загальної реактивації і актуалізації лексики, яка була заборонена в українській мові в радянський період. Однак А. Архангельська зауважує, що не завжди демократизація і лінгвістична свобода вважаються виключно позитивним явищем. По її думці «носії мови, захопившись процесом нового, вільного від будь-яких обмежень фемінітивного мовотворення, часто демонструють відсутність належних знань про мову, мовної інтуїції, мовного смаку, мовної культури»¹³⁰.

По думці М. Вакуленка¹³¹ сферу використання фемінітивів слід строго розділити. Вчений вважає, що в офіційно-деловому стилі виділення біологічного роду не вважається необхідним. В той же час, в розмовній мові використання фемінітивів вважається бажаним, т.к. робить мову більш живою і різноманітною.

Протилежної точки зору дотримується І. Шпілько¹³², яка вважає, що «українська мова має словотвірний потенціал для створення фемінітивів від маскулінних назв осіб. Дериваційні ресурси української мови є досить гнучкими, питомі словотвірні афікси можуть вільно поєднуватися як з власними, так і з запозиченими твірними основами, не порушуючи в процесі деривації морфологічних законів і словотвірних норм. Тому є всі підстави вважати, що в сучасній українській мові

¹³⁰ Архангельська А. М. До проблеми словотвірної фемінізації в українській мові новітньої доби: традиція і сучасність. Київ. Мовознавство, 2013. Вип. 6. С. 27 – 40.

¹³¹ Вакуленко М. О. Декілька зауваг щодо фемінітивів української мови. Вісник НАН України. Київ, 2018. № 1. С. 86–89.

¹³² Шпілько І. М. Фемінітиви з формантом -ка в українській і словацькій мовах. Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. Дніпропетровськ, 2010. Т. 18, вип. 16. С. 383–388.

фемінітиви можуть і будуть утворюватися від співвідносних назв осіб чоловічого роду й матимуть широку сферу функціонування (курсив наш. — В.М.)».

Несмотря на все противоречия, феминативы были официально закреплены в недавней новой редакции украинского правописания¹³³ 2019 года, что делает их использование возможным для всех пользователей украинского литературного языка и во всех сферах его функционирования.

Правописание предлагает¹³⁴ следующие суффиксы для создания слов, обозначающих женщин:

-К(-А), -ИЦ(-Я), -ИН(-Я), -ЕС(-А)

За допомогою суфіксів -к(-а), -иц(-я), -ин(-я), -ес(-а) та ін. від іменників чоловічого роду утворюємо іменники на означення осіб жіночої статі. Найуживанішим є суфікс -к(-а), бо він поєднуваний із різними типами основ: *авторка, дизайнерка, директорка, редакторка, співачка, студентка, фігуристка* та ін.

Суфікс -иц(-я) приєднуємо до основ на -ник: *верстальниця, набірниця, порадниця* та -ень: *учениця*.

Суфікс -ин(-я) сполучаємо з основами на -ець: *кравчиня, плавчиня, продавчиня* і приголосний: *бойкiнiя, майстрiнiя, лемкiнiя*.

Суфікс -ес(-а) рідковживаний в українській мові: *дияконеса, патронеса, поетеса*.

Под правила нового правописания стали подстраиваться различные государственные учреждения. Например, 18 августа 2020 года Министерство развития экономики, торговли и сельского хозяйства Украины своим указом № 1574 от 18.08.2020 р. «Про затвердження Зміни № 9 до національного класифікатора ДК 003:2010¹³⁵» офіційно дозволило використовувати феминативы, которые не противоречат новым правилам украинского правописания, в кадровой документации: т.е. в трудовых книжках, приказах, кадровому делопроизводству и всех других сферах труда, где используется Классификатор профессий. Текст приказа выглядит следующим образом:

«За потребою користувача [національного класифікатора професій], при внесенні запису про назву роботи до кадрової документації окремого працівника, професійні назви робіт можуть бути адаптовані для означення жіночої статі особи, яка виконує відповідні роботи (відповідно до пункту 4 параграфу 32 Українського правопису, схваленого

¹³³ Національна Академія Наук України. Український Правопис. Київ, Науково-виробниче підприємство «Видавництво “Наукова думка” НАН України», 2019.

¹³⁴ Там же. С 39 – 40.

¹³⁵ Электронный ресурс.

<https://www.me.gov.ua/Documents/Detail?lang=uk-UA&id=c1108c0b-54f2-4e12-b196-efe22f195e05&title=NakazMinekonomikiVid18-08-2020-1574-proZatverdzhenniaZmini9-DoNatsionalnogoKlasifikatoraDk003-2010> Дата последнего доступа: 03.02.2021

постановою Кабінету Міністрів України від 22.05.2019 № 437). Наприклад, інженер — інженерка, верстатник широкого профілю — верстатниця широкого профілю, соціолог — соціологиня¹³⁶»¹³⁷.

Однако, у некоторых украинских лингвистов новые нормы правописания породили цепочку вопросов касательно применения феминативов. Так, Л. Томиленко задаётся двумя¹³⁸ вопросами:

- чи від усіх іменників чоловічого роду можна утворювати фемінні форми?
- чи в усіх стилях доречно їх уживати?

Рассуждая над ответами, Л. Томиленко приводит точки зрения различных украинских лингвистов, а также проводит анализ украинских словарей. В заключении исследователь приходит к выводу, что «вживання та творення фемінітивів у сучасній українській мові, зокрема в офіційно-діловому, науковому стилях, є досить непростим і суперечливим питанням, яке ще потребує ґрунтовного вивчення».¹³⁹

Данное мнение рационально. Новое украинское правописание допускает возможность использования феминативов. Однако не обязывает их создавать и использовать на всех уровнях, как это делают, например, правила чешского языка. Сейчас феминативы активно используются в украинской публицистике, художественной литературе и разговорной речи. Однако на уровне официально-делового языка они ещё не устоялись. Время покажет, какая тенденция в украинском языке победит.

3.3 Белорусский язык

Современная норма литературного белорусского языка была принята в 1933 году. В 2008 году были внесены лишь некоторые изменения. Данная норма является очень консервативной и используется в основном государственными органами. Эта норма широко известна среди белорусов как «наркамаўка». Она не была принята белорусской диаспорой и либерально настроенной частью белорусского общества. Реформа, первоначально исключительно правописная, в итоге затронула и существенно изменила морфологию и грамматику белорусского языка. По сути, данная реформа ставила своей основной задачей максимальное искусственное сближение белорусской и русской

¹³⁶ Правильно: соціологиня

¹³⁷ Хотелось бы отметить большой прогресс кодификации украинского языка. Когда мы использовали «Классификатор профессий» для написания нашей бакалаврской работы, его старая редакция была достаточно консервативной и не отвечала требованиям времени.

¹³⁸ Томиленко Л. М. Фемінітиви юридичної царини в українській загальномовній лексикографії ХХ–ХХІ століть. Матеріали конференції «Українська мова в юриспруденції: стан, проблеми, перспективи». Київ, 2019.

¹³⁹ Там же.

литературных норм. В белорусском языке после 1933 года не осталось места собственно белорусским именам, названиям городов и, конечно, феминативам.

3.3.1 Актуальная языковая ситуация в Беларуси. Основные тенденции

В русскоязычной среде в Беларуси использование феминативов заметно расширилось во время президентской кампании 2020 года. Созданный Светланой Тихановской телеграмм-канал¹⁴⁰ Координационного совета называет её саму «наша лидерка», «избранная Президентка». Также данные феминативы часто использует российский блогер Максим Кац в своих видео¹⁴¹ о Беларуси.

Связать данную популярность феминативов можно с тем, что случившееся изменения стали возможны во многом благодаря женщинам, которые смогли сформировать мирный протест. Всё это резко усилило эмансипацию женщин. Катализатором эмансипации протестных настроений послужил Президент Республики Беларусь. Он неоднократно позволял себе сексистские высказывания, но 2020 год стал их апофеозом. Так, он заявил¹⁴², что «Конституция в стране не под женщину», его слова вызвали волну возмущений и несколько акций и флешмобов. Данные события усилили феминизацию белорусского общества и проявились в том числе и в языковой реализации белорусов-носителей русского языка. В связи с этим в белорусском либеральном сообществе произошла активная реактивация феминативов. Например, их активно использует Фемгруппа Координационного совета белорусской оппозиции¹⁴³.

С другой стороны, государство в рамках реакционной политики проводит преследование всего белорусского. Например, 23.04.2021 в Минске из-за жалобы соседей на публичное использование белорусского языка был арестован и осуждён на 15 суток пенсионер Адам Шпаковский¹⁴⁴. После обострения политического кризиса в 2020 году официальная риторика власти является исключительно антибелорусской. До августа 2020 сторонники использования русского и белорусского языков часто вступали в конфликт. Некоторые белорусские граждане привлекались к ответственности за оскорбление национального языка (включая милиционеров)¹⁴⁵. С другой стороны, другие белорусские

¹⁴⁰ Электронный ресурс. https://t.me/rada_vision Дата последнего доступа 10.10.2020

¹⁴¹ Электронный ресурс. <https://www.youtube.com/c/maxkatz1> Дата последнего доступа 10.10.2020

¹⁴² Электронный ресурс <https://news.tut.by/economics/689625.html> Дата последнего доступа 10.10.2020

¹⁴³ Электронный ресурс. <https://belaruspartisan.by/life/516423/> Дата последнего доступа 28.10.2020

¹⁴⁴ Электронный ресурс <https://www.svaboda.org/a/31219284.html> Дата последнего доступа 23.04.2021

¹⁴⁵ Электронный ресурс <https://naviny.online/article/20170605/1496684876-pravo-na-movu-kak-i-kogo-nakazyvayut-za-nezhelanie-govorit-po-belorusski> Дата последнего доступа 23.04.2021

граждане получали штрафы и подвергались пыткам лишь за публичное использование белорусского языка¹⁴⁶.

3.3.2 Феминативы белорусского языка

Одним из самых известных исследователей феминативов в белорусском языке является В. Гарбацкий. В своей работе «Аб фэмінізацыі беларускай мовы: Фэмінізацыя *nomina agentis* і пэўных іншых катэгорыяў у сучаснай беларускай мове»¹⁴⁷ автор утверждает, что *возврат феминативов в белорусский язык является одним из ключевых шагов для возрождения его самобытности*.¹⁴⁸ Согласно исследованиям В. Гарбацкого феминативы активно использовались в произведениях классической белорусской литературы (Тётка, Максим Горецкий, Кузьма Чёрный, Янка Брыль)¹⁴⁹, причём первые факты использования феминативов были зафиксированы в ещё в XIV веке¹⁵⁰. Об использовании феминативов в белорусском языке в XIV веке говорит также М. Павленко.¹⁵¹

В. Гарбацкий в своём исследовании зафиксировал 124 уже использовавшихся белорусских феминатива. А всего эссе содержит 3000 феминативов-окказионализмов, которые были созданы самим автором. Согласно мнению В. Гарбацкого наиболее популярным способом создания феминативов является аффиксация, что характерно для славянских языков.

К самым распространённым относятся такие феминативные суффиксы¹⁵²:

- *-к: аптэкарка, бухгалтарка, дацэнтка, прэзыдэнтка, сьвятарка;*
- *-ух: бягуха, рагатуха, скакуха;*
- *-іц: караліца, царыца, геалёгіца, сыноптыца, філялягіца;*
- *-эс, -ес: баранэса (баронка), паэтэса (паэтка), крытыкеса (крытыца).*

Также В. Гарбацкий утверждает, что «фэмінізацыя мовы, дакладней, пэўнага ейнага сэгмэнту – назваў прафэсіяў, тытулаў, роду заняткаў і пэўных іншых катэгорыяў – якраз і знаходзіцца, на маю думку, у цэнтры пытаньня культуры мовы і ўплыву расейскай

¹⁴⁶ Электронный ресурс <https://belaruspartisan.by/politic/197493/> Дата последнего доступа 23.04.2021

¹⁴⁷ Уладзіслаў Гарбацкі. Аб фэмінізацыі беларускай мовы: Фэмінізацыя *nomina agentis* і пэўных іншых катэгорыяў у сучаснай беларускай мове. Мн. АРСНЕ, 2012.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Паўленка М. А. Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове. Мн, 1978.

¹⁵² Уладзіслаў Гарбацкі. Гід па фэмінізацыі беларускай мовы. Вільня, 2016.

мовы на беларускую. Бо сяньня ў дадзеным пытаньні мы калькуем стылістычныя нормы, палкам адмаўляем уласныя напрацоўкі – хутчэй пакуль практычныя, чымся тэарэтычныя, – замацаваныя ў творах пісьменьнікаў, і ў меншай ступені – у тэкстах граматычных»¹⁵³. По мненню автора беларуский язык должен базироваться на разговорной основе, которой феминативы не чужды. А существования языкового равноправия (наличие в языке форм обоих родов существительных *nomina agentis*) создаст основу для реального равноправия полов в будущем. Своё мнение автор подкрепляет доказательствами визуальной нормы использования феминативов¹⁵⁴: «Таксама ў размовах даводзіцца чуць, што фэмінізацыя мовы – зьява штучная, бо, насамрэч, назвы пасадаў ня маюць полу, а ў гэтым выпадку мужчынскі род выконвае проста функцыю ўнівэрсалізму, г.зн. ён абазначае прафэсію, не асобу, а толькі само званьне, пасаду, статус. Можна было б пагадзіцца, каб не наступнае: чаму ж тады ў мове дамiнуе жаночая форма ўнівэрсальнае прафэсіі “прыбіральніца” ці “прастытутка”? Чаму ня кажуць “прастытут”? Чаму ня пішуць у аб’явах: “Патрабуецца прыбіральнік”, – а заўсёды – прыбіральніца? Чаму тут ня дзейнічае закон унівэрсальнага мужчынскага роду? Ён – фікцыя, адчэпка, бо ў нашай мове выразна дамiнуе штучная мадэль, нягегла пазычаная ў расейцаў, паводле якой мужчынскі род нібыта выконвае ролю ўнівэрсалу».

Также В.Гарбацкий посвящает внимание аргументации противников феминативов¹⁵⁵: «Варта зазначыць, што некаторыя жаночыя форма з -к-а могуць прыўносіць пэўную блытаніну ў мову: так словы *вадалазка*, *грабарка*, *ананімка* ды некаторыя іншыя азначаюць ня толькі пасады, прафэсіі ці проста намінацыі жаночага роду, але яшчэ адпаведна тып вопраткі, колак (дрогі для перавозкі) і асобу, якая піша ананімку – само пасланьне, – і кабета, якая піша яе, пішуцца і гучаць аднолькава. Гэтыя шматсэнсоўныя словы цудоўна разумеюцца ў кантэсьце. Хіба мы блытаем слова “дыплямат”, якое азначае адначасова і маленькі саквяж і мужчыну-дыплямата? З кантэксту заўжды відно, пра што размова».

Отдельное внимание уделяется словам, которые имеют тенденцию стать словами общего рода (автор называет их «эпіцэны»), однако они маркируются в белорусском языке как слова исключительно мужского рода. В качестве пример таких слов можно рассмотреть слова типа: *абаронца*, *абвінаваўца*, *атакоўца*, *відавочца*, *водца*, *вызнаўца*, *выканаўца*, *вынаходца*, *выступоўца*, *вытворца*, *дарадца*, *дароўца*, *даўца*, *дбайца*, *забойца*,

¹⁵³ Уладзислаў Гарбацкі. Аб фэмінізацыі беларускай мовы: Фэмінізацыя *nomina agentis* і пэўных іншых катэгорыяў у сучаснай беларускай мове. Мн. АРСНЕ, 2012 С. 9.

¹⁵⁴ Там же

¹⁵⁵ Там же

*залагадаўца, знаўца, кізнаўца, кіроўца, літаратуразнаўца, мовазнаўца, моўца, нападоўца, наступоўца, падтрымоўца, паступоўца, прапаноўца, паўабаронца, пераможца, празорца, прамоўца, прапойца, пратэстоўца, працадаўца, суразмоўца*¹⁵⁶. Но в рамках феминизации и деколонизации белорусского языка, по мнению учёного, следует придать этим словам семантическое значение общего рода. По аналогии с чешскими агентивами *vedoucí, recepční*. Заметим, что в чешском языке мужские агентивы с флексией *-a* не являются словами общего рода: *publicista – publicistka, žurnalista – žurnalistka* и т.д. Отдельно у В. Гарбацкого рассматриваются иностранные слова (*кутур'е, музыка, тамада, круп'е, рант'е, гiні, парвэню, гуру, аташэ, маэстра, торы, рыкша, нiньдзя, ёга, мэсія, чычэронэ, мафіёзі, імпрэсарыё*). В официальном белорусском правописании данные слова закреплены как маскулинизмы. Однако языковая практика и инструментарий белорусского языка позволяет рассматривать данные слова как слова общего рода. Становится очевидным, что корпус слов общего рода является несформировавшимся и незавершённым. При этом данные слова имеют огромный потенциал. Некоторые белорусские деятели прошлого, например Янка Станкевич, уже пробовали искусственно развить категорию слов общего рода, пополнив её множеством окказионализмов (*душаемца, прычынца, спадкаемца, прыемца, прадпрыемца*). Факт того, что данные слова не прижились, заставляет принимать возможность их внедрения очень осторожно. Многие слова с флексией *-a* в восточнославянских языках считаются словами мужского рода. Это может быть влиянием другого языка, бесспорно. Но это уже сформировавшаяся традиция, выработанная привычка, от которой носители не смогут так просто отказаться. Следовательно, не каждое слово, которое заканчивается на *-a* автоматически должно становиться словом общего рода. Приведём здесь свои примеры: *тата, дзядуля, мужчына*.

В. Гарбацкий также отмечает, что в основном уже официально закреплённые эпицены являются словами со сниженной стилистической окраской (*выскаляка, плакса, няўдаліца, няўдобіца, нязграба, разявака, выхваляка, крыўляка, выстаўляка, туляга, няўдобіца* и т.д.). Лишь некоторая их часть является стилистически нейтральной (*цэзка, сьведка, лістаноша, кніганоша, сірата, судзьдзя, галава*).

В пользу использования феминативов говорит и факт их обильного использования белорусскими староверами, которые пользуются архаичной тряснянкой и «фэмінізуюць літаральна ўсё»: *доктарка, лекарка, любіцелька, паштарка, пашталёнка, урачыха, урачка,*

¹⁵⁶ Там же

гадка, магазіншчыца й г.д.»¹⁵⁷. В.Гарбацкий считает, что этот факт является доказательством естественности использования феминативов, т.к. речь староверов фиксирует очень чистый, живой, разговорный язык. Многие белорусские авторы используют феминативы в своих произведениях. К таким можно отнести Валентину Ковтун, Наталку Бабину.

Сам же белорусский язык пребывает в статусе постколониального, находясь под идеологическими и языковыми установками информационного пространства России¹⁵⁸. Многие белорусские учёные апеллируют к российской традиции. В тоже время существует группа т.н. «диссидентов», которые пытаются противопоставить деколонизацию колонизации¹⁵⁹. По их мнению, Республика Беларусь воспринимается как страна, участвующая в постколониальном дискурсе и реализующая чужие колониальные ценности. Основная сложность заключается в том, что колониальную политику, базирующуюся на «чужих» ценностях и установках проводит само государство.

«Беларусы таксама належаць да катэгорыі некаланізаваных, бо на карысьць (неа)каланізаванасці нашай культуры і мовы сведчыць вялікая колькасць з'яваў і фактаў. Добрым прыкладам можа быць надзвычайная палітызацыя моўнай тэмы. Апошнія нацыянальныя перапісы, рэфармаванне мовы, урэшце, параза “дзеясловіцы” і нашаніўскай “тарашкевіцы” ў адстойванні сваіх прынцыпаў і каштоўнасцяў, а таксама масавы пераход з 2009-2010 гадоў на “наркамаўку” — усё гэта якраз сведчыць пра логіку каланіяльнай сістэмы. Пры гэтым падчас усіх гэтых змаганняў руская мова як адна з афіцыйных моваў краіны застаецца па-за палітыкаю, нечапанаю, дамінантнаю ды імперскаю моваю. Зкаланізаванай ёсць не толькі рускамоўная беларуская культура, але і ўласна беларускамоўная»¹⁶⁰.

Таким образом, можно говорить о сосуществовании в белорусском языке двух борющихся тенденций: колониальной и антиколониальной, репрезентацией которых являются, соответственно «наркамаўка» и «тарашкевіца». Принято считать, что это лишь две разные системы правописания. На наш взгляд, проблема несколько глубже: две системы правописания также содержат в себе две противоборствующие картины мира. «Наркамаўка» базирується на традиционных советско-российских ценностях. На всех уровнях языка эта система правописания стремится к максимально возможной

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Уладзіслаў Іваноў. Фемінізацыя nomina agentis беларускай мовы і праблема каланізацыі. Палітычная сфера №16-17 (1-2), Мінск, 2011.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

унификации с нормами русского языка. Русский язык здесь выступает однозначным положительным образцом и источником дальнейшего развития. «Тарашкевіца» же наоборот базируется на антисоветских и антироссийских ценностях. Русский язык в этом случае рассматривается в качестве отрицательного образца. Словообразовательные модели, лексика, синтаксис и т.д., являющиеся характерными для русского языка, но не являющиеся общеславянскими, отрицаются. В качестве положительного образца выступают другие славянские языки, которые прошли или успешно проходят этап деколонизации, в частности, чешский и украинский языки. В меньшей мере польский язык. Лексика, словообразовательные модели, синтаксис и т.д. при необходимости перенимаются отсюда. Фундаментальные различия между двумя системами чётко прослеживаются на различных уровнях:

- Имена собственные¹⁶¹. *Васіль – Базыль, Фёдар – Хведар, Іосіф – Ёсіф, Уладзімір – Уладзімер* и т.д.
- Географические названия белорусских: *Мінск – Менск, Гродна – Горадня, Янаў – Іванава, Брэст – Берасьце*; и иностранных городов: *Лондан – Лёндан, Вільнюс – Вільня, Вена – Відзень*. А также названия государств: *Венгрыя – Вугоршчына, Славакія – Славацчына, Германія – Нямецчына*.
- Передача мягкого «л» в иностранных словах: *філасофія – філязофія, біолаг – біёлаг*.
- Феминативы: *наркамаўка*, опираясь на русский язык, отрицает их; тарашкевіца, отрицающая нормы русского языка, наоборот старается использовать феминативы очень активно.

Более подробно различия можно изучить по ссылке¹⁶².

Данное явление, описанное выше, принято называть *псевдосинкретизмом*, который противопоставляется синкретизму. Синкретизм подразумевает собой политику, которая объединяет в себе элементы левого и правого политических секторов, стремясь к их объединению, поиску компромисса и достижения политического и общественного согласия. Соответственно, псевдосинкретизм – это ситуация противоречия между базовыми установками, когда ценности одного полюса противостоят ценностям другого полюса. То есть, это ситуация глубокого раскола в обществе, попытка соединить несоединяемое, сигнализирующая о невозможности поиска компромисса. Эта проблема

¹⁶¹ Здесь и далее модели будут представлены по группе *наркамаўка - тарашкевіца*.

¹⁶² Электронный ресурс: <https://www.movananova.by/zaniatki/gistoryya-movy-tarashkevica-vs-narkamauka.html>
Дата последнего доступа: 30.03.2021

особенно ярко проявилась в последнее время после Президентских выборов 9 августа 2020 года в Беларуси. Сейчас белорусское общество находится в состоянии раскола, а государство раскол подогревает и усиливает. Такого мнения придерживается¹⁶³, например, известный белорусский экономист Сергей Чалый.

3.4 Русский язык

Языковая ситуация в России кардинально отличается от белорусской и украинской. Как уже было сказано выше, Беларусь и Украина находятся в состоянии переходного билингвизма, в состоянии типичном для постколониального общества. Россия же продолжает проводить на постсоветском пространстве колониальную политику, активно участвуя в событиях стран бывшего СССР. Несмотря на то, что формально в СССР диглоссии не существовало, активно пропагандировалось и подчёркивалось использование национальных языков, а статус русского языка не был закреплён в Конституциях СССР в качестве государственного (до 1990 года), де-факто в реальности национальные языки использовались в основном в бытовом общении между людьми. Использование их в официальной сфере допускалось в искусстве, однако серьёзного влияния национальные языки не имели (парадоксально, но такой статус-кво до сих пор сохраняется в Республике Беларусь). Для построения успешной карьеры в СССР знание русского языка было необходимо. Поэтому и современные русский, белорусский и украинский языки не находятся на одинаковых позициях. Русский язык является одним из самых распространённых мировых языков, у него есть официальный статус в ООН и более 250 миллионов пользователей¹⁶⁴.

3.4.1 Актуальная языковая ситуация в России. Основные тенденции.

Исторически русский язык претерпел несколько стандартизаций, которые вели к упрощению языка. Мотивы этих упрощений были разными, в частности, попытку одного из них в 1960-е гг. XX в. аргументировали желанием сделать язык более комфортным для грамотного освоения как самими носителями русского языка, так и некоренными народами СССР. Главным, совершенно безосновательным на наш взгляд, аргументом в пользу реформы-упрощения была излишняя, по мнению её авторов, сложность русской орфографии, и, думается, грамматики, которую не могли в полной мере освоить примерно 30% учеников российских средних школ, а в союзных республиках результаты были

¹⁶³ Электронный ресурс: <https://news.tut.by/economics/722725.html> Дата последнего доступа: 30.03.2021

¹⁶⁴ Электронный ресурс <https://ria.ru/20141028/1030544663.html> Дата доступа 27.11.2020

«намного хуже»¹⁶⁵. Жертвой упрощений стали и феминативы. По мнению ряда российских филологов, например, К. Виногородского¹⁶⁶, прекращение широкого использования феминативов и есть лучшим показателем гендерного равноправия (женщины не выделяются в отдельную категорию, а пользуются одинаковыми с мужчинами агентивами мужского рода). Однако ещё до XIX в. профессии разграничивались по мужскому и женскому роду¹⁶⁷. Как правило, форму только женского рода имели профессии, в которых были заняты преимущественно женщины и от которых нельзя образовать форму мужского рода (*няня, прачка*). Также в языке существовали и языковые пары, в том случае, когда возможность выполнять определённый труд не зависела от пола (*гувернёр – гувернантка, швец – швея*). Однако большинство агентивов не могли быть применимы к женщинам в силу существовавших в то время ограничений и неучастия женщин в общественно-политической жизни. Даже в исключительных случаях, когда «мужскую» работу должна была выполнять женщина, эту женщину всё равно обозначали существительным мужского рода, подчёркивая экзотичность данного явления. Такая тенденция послужила актуальным в русском языке до сих пор обобщенному значению существительных-агентивов мужского рода.

Однако ситуация кардинально изменилась во второй половине XIX в., когда началась активная эмансипация женщин. Как только женский труд проникал в традиционно «мужскую» профессию, сразу же появлялась необходимость создать соответствующее существительное женского рода для демонстрации более широкого участия женщин в общественной жизни. Безусловно, данные прогрессивные нововведения почти сразу столкнулись с волной критики.

Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. в русском языке сложились две тенденции:

- Прогрессивная (активное создание, внедрение и употребление феминативов);
- Консервативная (использование существительных-агентивов мужского рода в качестве обобщённых).

Новый пик популярности, связанный с желанием придать женщинам новый статус и активнее вовлекать их в производство, феминативы обрели после Первой мировой войны и образования СССР. Наиболее данная тенденция проявилась в среде слов,

¹⁶⁵ Е. В. Арутюнова — Реформа русской орфографии начала 1960-х в зеркале СМИ: завязка конфликта. Электронный ресурс <https://russianclassicalschool.ru/biblioteka/slovesnost/obuchenie-gramote/item/1622-e-v-arutyunova-reforma-russkoj-orfografii-nachala-1960-kh-v-zerkale-smi-zavyazka-konflikta.html> Дата доступа 04.07.2021

¹⁶⁶ Электронный ресурс <https://rosuchebnik.ru/material/istoriya-russkogo-yazyka-ot-kirilla-i-mefodiya-i-do-nashikh-dney/> Дата доступа 04.01.2021

¹⁶⁷ Электронный ресурс <https://www.psyart.com/istoriya-feminitivov> Дата доступа 04.01.2021

обозначающих обычные рабочие профессии, не требующие глубоких навыков и знаний. В среде интеллигенции осталась привычка употреблять «высокие» профессии исключительно обобщённо в мужском роде. Интересно, что как только женщины активно вовлекались в определённую профессию, то и необходимость называть их агентами женского рода сразу же отпадала.

3.4.2 Феминативы русского языка

Данные тенденции привели к некоторым новшествам в русском языке, которые отмечались уже в 30-е гг. XX в.:

- Переход в пассивный языковой фонд феминативов с непродуктивными суффиксами (*авиатриса, директриса, адвокатесса* и пр.);
- Курьёзное появление сугубо «женских» профессий, выраженных существительными мужского рода (*женкор, женорг* и пр.);
- Сочетание существительных мужского рода с глаголами, местоимениями, причастиями и прилагательными женского рода (*Наша новая врач. Учитель сказала.* и пр.).

В послевоенное время В. Виноградов отмечал¹⁶⁸, что сама идея использования мужского рода вытекает из необходимости передать общее представление о лице, соотнести его с понятием «человек». В языковой практике одновременно происходило сокращение использования парных агентивных существительных. Предпочтение отдавалось мужскому роду. Несколько позже И. Протченко заметил¹⁶⁹, что феминативы получили достаточно широкое распространение в обозначении профессий тех сфер труда, где участие женщин является преобладающим. Например, в пищевой, обувной, лёгкой промышленности, типографии. В то же время, среди военных должностей и среди высоких чинов феминативы не использовались совсем. Таким образом, в русском языке был заложен фундамент для восприятия феминативов в качестве обозначения непрестижных профессий, вызвав также их сниженную стилистическую коннотацию.

К 1960-м гг. сфера использования феминативов сократилась ещё больше, став переломным моментом в победе консервативной тенденции, возникшей в XIX веке (см. выше). Данное предположение подтверждается исследованиями¹⁷⁰ О. Дмитриевой, которая

¹⁶⁸ Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.

¹⁶⁹ Протченко И. Ф. Об образовании и употреблении имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955.

¹⁷⁰ Дмитриева О. Л. Развитие нормы и проблема кодификации вариантов рода профессиональных номинаций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1987.

проанализировала частоту использования феминативов в периодических женских изданиях. Ниже представлена таблица, где в процентном соотношении выражено количество употребляемых суффиксальных форм женского рода по отношению к употреблению коррелятов мужского рода в «обобщенном» значении:

Суффикс / Годы	-ш(а)	-к(а)	-тельница(а)	-истк(а)	-ниц(а)	-щиц(а)/-щиц(а)
Рубеж XIX- XX вв.	57%	63%	73%	85%	-	100%
1950-е гг.	13%	25%	45%	-	60%	-
1980-е гг.	4%	19%	24%	25%	37%	75%

Как видно из таблицы, активное вытеснение феминативов началось и завершилось в советский период. По мнению¹⁷¹ В. Беркутовой это было связано с советской идеологией. Уже в 1920-е гг. на советских плакатах женщинам стали придавать заметные мужские черты, делать образы женщин более маскулинными¹⁷². Тела становятся более мускулистыми и крепкими, выражение лиц – более серьёзным. Образы женщин лишались милевидности и изящности, сближая гендерно более нейтральных женщин с мужчинами, делая всех вместе строителями коммунизма. Желая подчеркнуть равные права мужчин и женщин, большевики ввели в оборот обобщённое обращение «*товарищ*», хотя к нему в русском языке существует коррелят «*товарка*». В 1930-50-е гг. канон немного меняется, наряду с «женщиной-работницей» появляются образы «женщины-матери», «женщины-хозяйки». В.Беркутова предполагает¹⁷³, «что употребление мужского рода по отношению к женщинам мыслилось большевиками как более прогрессивное, соответствующее эмансипационным идеалам эпохи, подчеркивающее «равенство» полов. Поэтому в ранний советский период оно стало проявляться в языке наряду с формами женского рода, которые в 1920–30-е годы по-прежнему оставались популярными. Новой советской женщине необходимо было развить в себе качества, ранее приписываемые лишь мужчинам: самодисциплину, самодостаточность, самостоятельность, умение логически мыслить и ставить общественные интересы выше личных, – отсюда берет источник и представление об андрогинности ранней советской культуры».

¹⁷¹ Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—22.

¹⁷² Захарова Н. В. Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук Ульяновского государственного университета. М., 2005. 18 с.

¹⁷³ Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—22.

Можно подытожить, что окончательная победа консервативной тенденции связана с тенденцией к универсальности, подразумевающей придание мужскому роду обобщающей функции.

Интересным фактом является то, что современный русский язык в условиях глобализации активно внедряет новые феминативы, однако происходит это за счёт калькирования лексем из английского языка. А.Васильева считает¹⁷⁴, что иноязычные феминативы появляются в связи с новыми реалиями и необходимостью языковой экономии, т.к. зачастую русский язык в таких случаях использует описательные конструкции. В качестве примера автор приводит слова из сферы межчеловеческих взаимоотношений (*гёрлфренд, мазер*); сферы рекламы и моды (*топ-модель, каве-гёрл, плеймейт, барби, поп-дива, поп-звезда, фэшн-гёрл*); сферы услуг (*хостес, колл-гёрл*). По мнению автора до появления данных лексем в русском языке не было номинаций, одним словом описывающих данные типы женщин. Также происходит эвфимизация прежде неблагозвучных или непопулярных агентивов. Например, бытует мнение, что *шоумену* звучит гораздо солиднее, чем *массовик-затейник*.

В заключение заметим, что русский язык, как и другие славянские, обладает широким спектром возможностей для создания феминативов, которые, однако, традиционно считаются разговорными и просторечными. Любая попытка использования феминативов сразу же сводится к феминистическому дискурсу и не может восприниматься отдельно от него. В русском языке, в отличие от украинского и белорусского, нет ни одного академического словаря феминативов. В качестве примера феминизатора существительных можно привести сайт <https://feminitives.ru/>¹⁷⁵, однако мы всё также не выходим за феминистический дискурс.

¹⁷⁴ Васильева А. С. Заимствованные наименования лиц женского пола на рубеже XX-XXI вв.: структура, семантика, функционирование. Русский язык в школе. М., 2015

¹⁷⁵ Электронный ресурс <https://feminitives.ru/> Дата доступа 28.11.2020

4. ВЫВОДЫ

В данной дипломной работе проанализированы агентивные феминативы трёх восточнославянских языков — украинского, русского и белорусского — в контексте ключевых социальных, лингвистических и культурных факторов, формирующих отношение к использованию феминативов в Украине, в Беларуси и в России.

Относительно лингвистического аспекта видим, что каждый из этих языков обладает определённым набором нормативных феминативных суффиксов, которые представлены в таблице ниже.

Сравнительная таблица агентивных суффиксов в литературном украинском, русском и белорусском языках

Язык / Суффикс	-к	-ух	-иц	-эс (укр. -ес)/-ис	-ш	-ин
Украинский язык	+	+	+	+	- (есть только в разговорной речи!)	+
Русский язык	+	+	+(в т.ч.-чица, -щица)	+	+	+
Белорусский язык	+	+	+	+	- (есть только в разговорной речи!)	+

Анализируя данную таблицу можно прийти к выводу, что в основном, суффиксы, используемые для создания агентивных феминативов, совпадают во всех трёх языках. Однако, общеславянский суффикс *-к-* в русском языке малопродуктивный, в тоже время, в украинском и белорусском языках данный суффикс является наиболее продуктивным при создании феминативов. Суффикс *-иц-* является продуктивным во всех трёх языках, однако только в русском языке перед этим суффиксом могут использоваться консонанты *ч* и *щ* (*налётчица, продавищица*), для белорусского и украинского языков это не характерно (если не учитывать примеры суржика в украинской разговорной речи: *продавищица* вместо литературного *продавчиця*). Аналогично, например, и маскулинный суффикс *-чик, -щик*, характерный только для русского языка (*лётчик, гонщик*) и отсутствует в украинском и белорусском литературных языках. Что же касается суффикса *-ш-*, то он присутствует

только в русском литературном языке. То есть, в общем у всех трёх восточнославянских языков набор суффиксов почти одинаков, а в украинском и белорусском языках он полностью совпадает, что свидетельствует об их большей схожести, в частности и в плане создания и употребления агентивных феминативов.

В рамках же исследования языковой политики и идеологии, а также отношения к языку можно сделать несколько выводов:

1. Проанализировав различные социокультурные и внеязыковые тенденции можно прийти к выводу, что феминативы являются органичной составляющей любого восточнославянского языка, но их использование или неиспользование обусловлено различными факторами, в частности такими: 1) отношением к языку, 2) государственной языковой политикой и идеологией, 3) бытующей картиной мира. Меняться отношение к феминативам может в ходе дальнейшего языкового планирования. Например, путём такого изменения пошла Украина, которая в 2019 году кодифицировала феминативы, позволив их использование на всех уровнях функционирования языка, во всех стилях.

2. С другой стороны, важнейшим игроком, формирующим отношение к феминативам на всём восточнославянском пространстве, остаётся русский язык. Украина и Беларусь находятся в постколониальном статусе по отношению к русскому языку и его нормам. Как уже было сказано, нормы русского языка могут быть как положительным (делаем всё, как у них), так и отрицательным (делаем всё наоборот) образцом. Для государственной языковой политики в Украине русский язык является отрицательным образцом (вследствие чего украинский язык постепенно выходит из-под его влияния) в Республике Беларусь – положительным.

3. Во время написания данной работы мы столкнулись с разными аргументами, почему феминативы в русском языке не могут использоваться. Самым популярным оказался аргумент о неестественности феминативов и противоречии их нормам русского языка, а также наличие различных дериватов, семантическое ядро которых уже занято и феминативы якобы могут являться омонимами к уже существующим лексемам с другим значением. В качестве таких слов противники феминативов указывают, например, омонимы *водолазка* (которая может обозначать предмет верхней одежды и, потенциально, женщину-водолаза) или *пилотка* (головной убор и, потенциально, женщина-пилот). Однако нам подобный аргумент кажется несостоятельным. В русском языке можно найти целый ряд омонимов, которые могут обозначать одновременно и человека, и предмет. Например, слова *резчик*, *упаковщик* (одновременно профессия и рабочий инструмент),

слово *энергетик* (одновременно профессия и напиток), лексема *переводчик* (одновременно профессия и электронное приложение), слово *медиатор* (одновременно человек, улаживающий конфликты, и приспособление для облегчения игры на гитаре) и т.д. Также распространённым является мнение о том, что суффиксы, с помощью которых создаются феминативы, не являются продуктивными и служат для создания наименования неодушевлённых предметов. Но и этот аргумент не является неопровержимым. Различные маскулинные суффиксы, служащие для образования агентивов мужского рода, используются также и для создания названия различных неодушевлённых предметов, например:

- *-щик*: *верстальщик, заготовщик, упаковщик, регулировщик* (мужской одушевлённый); *упаковщик* (мужской одушевлённый и неодушевлённый).
- *-ник*: *плотник, бортник* (мужской одушевлённый); *холодильник, чайник, рубильник* (мужской неодушевлённый).
- *-тель*: *воспитатель, родитель, водитель, предприниматель, учитель* (мужской одушевлённый); *корчеватель, обогреватель, знаменатель, двигатель, сахарозаменитель* (мужской неодушевлённый).
- *-ор*: *мелиоратор, модератор* (мужской одушевлённый); *дефибрилятор* (мужской неодушевлённый); *медиатор* (мужской одушевлённый и неодушевлённый).
- *-чик*: *лётчик* (мужской одушевлённый); *счётчик* (мужской неодушевлённый); *резчик* (мужской одушевлённый и неодушевлённый).

Несмотря на несостоятельность вышеуказанных аргументов, вопрос активного использования феминативов во всех сферах функционирования русского языка пока что откладывается.

4. Наименее понятная ситуация существует в Республике Беларусь. С одной стороны, официальная кодификация белорусского языка находится в тотальной сфере влияния тенденций русского языка. С другой стороны, в Республике Беларусь с августа 2020 года продолжается острый политический и культурно нравственный кризис. Сторонники перемен, добивающиеся демократизации государства, активно используют феминативы в своих русскоязычных публикациях. Белорусскоязычные же независимые СМИ систематически используют феминативы с момента обретения Беларусью независимости. Однако впервые использование феминативов в двух государственных языках является настолько массовым. Надеемся, новая тенденция в перспективе возьмёт верх.

5. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лексикографические источники:

- 1) *Абетковий покажчик професійних назв робіт.* Режим доступа: https://hrliga.com/docs/KP-2010_dB.htm Дата последнего доступа: 28.06.2021
- 2) БЛОДІД І. К. Словник української мови. В 11 т. Київ, 1970–1980.
- 3) ГОДОВАНА М. П. *Словник-довідник назв осіб за видом діяльності;* за ред. Л. В. Туровської. Київ, 2009.
- 4) Український Правопис. Національна Академія Наук України. Київ, Науково-виробниче підприємство «Видавництво “Наукова думка” НАН України», 2019
- 5) СУДНІК М. Р. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы.* У 18 т. Мінск, 2002.
- 6) ОЖЕГОВ С. И., ШВЕДОВА Н. Ю. *Толковый словарь русского языка.* 4-е изд., доп. — Москва, 1997.
- 7) КУЗНЕЦОВ С.А. *Большой толковый словарь русского языка: А-Я.* Санкт-Петербург, 1998.
- 8) МИХАЛЬЧЕНКО В. Ю. *Словарь социолингвистических терминов.* Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. М., 2006.

Теоретические источники:

- 1) ARKHANGELSKA, Tetiana. *Симметрия и асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в славянских языках.* Disertační práce. Univerzita Palackého v Olomouci, 2014
- 2) DOKULIL, Miloš. *K otázce morfoložických protikladů.* Slovo a slovesnost r. 19. Praha, 1958.
- 3) DOKULIL, Miloš. *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov.* Nakladatelství Československé akademie věd. Praha, 1962.
- 4) DYERS, C., ABONGDIA, J. F. *An exploration of the relationship between language attitudes and ideologies in a study of Francophone students of English in Cameroon.* Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2010, Vol. 3, № 12, P. 119–134.
- 5) CHARLES A. FERGUSON. *Diglossia,* WORD, 1959, 325-340
- 6) CHROMÝ, Jan. *Základy sociolingvistiky.* Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum, 2014
- 7) KRÄMER, W. *Modern talking auf Deutsch.* Ein populäres Lexikon. München, Zürich: Piper Verlag, 2001
- 8) KROSKRITY, Paul. *Language ideologies.* In: Alessandro Duranti (ed.), *A Companion to Linguistic Anthropology.* Oxford, Blackwell, 2004
- 9) MILROY, James. *Language ideologies and the consequences of standardization.* Journal of Sociolinguistics, 2001, № 5

- 10) NELDE, P. H. *Ecological implications of language contact*. Language contact in Europe / eds. P. S. Üreland. – Tübingen : Niemeyer, 1986.
- 11) PEAL, E., LAMBERT, W. E. *The relation of bilingualism to intelligence*. American Psychological Association, 1962
- 12) SKALIČKA, Vladimír. *Typ češtiny*. Praha, 1951
- 13) SCHIFFRIN D. *The language of discourse: Connections inside and out*. Text, vol. 10. 1990.
- 14) TRUBETZKOY, N. *Die phonologische Systeme*. 1931, s. 96-116.
- 15) АВРОРИН В.А. *Двуязычие и школа. Проблемы иноязычия и двуязычия*. М. Наука. 1972.
- 16) АЗАРХ Ю. С. *Слова на «-иха» в русском языке*. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1979.
- 17) АЗАРХ Ю. С. *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*. М: Наука, 1984.
- 18) АЛПАТОВ В. М. *Языковая политика в современном мире*. Научный диалог. М., 2013 – С. 8-28
- 19) АРХАНГЕЛЬСЬКА А. М. *До проблеми словотвірної фемінізації в українській мові новітньої доби: традиція і сучасність*. Київ. Мовознавство, 2013. Вип. 6. С. 27 – 40
- 20) БАЛАЛЫКИНА, Э.А. *Русское словообразование*. Учебное пособие. Казань, 1985.
- 21) БЕЛОЗЕРОВА Н.Н., ЛАБУНЕЦ Н.В. *Эколингвистика: в поисках методов исследования*. Тюмень, Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 256 с.
- 22) БЕРКУТОВА В. В. *Феминативы в русском языке: исторический аспект. Филологический аспект*. 2018. № 11 (43). С. 6—22.
- 23) БЕРНАЦКАЯ А. А. *О трех аспектах экологии языка*. Вестник Красноярского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. Красноярск, 2003. № 4. С. 122–124.
- 24) БЛИНОВА О. И. *Обыденная мотивология*. Сибирский филологический журнал. Томск, 2008.
- 25) БЛИНОВА О.И. *Словарь терминов мотивологии*. Русская мотивология. Томск, 2000. С. 13-47.
- 26) ВАКУЛЕНКО М. О. *Декілька зауваг щодо фемінітивів української мови*. Вісник НАН України. Київ, 2018. № 1. С. 86–89.
- 27) ВАСИЛЬЕВА А. С. *Заимствованные наименования лиц женского пола на рубеже XX-XXI вв.: структура, семантика, функционирование*. Русский язык в школе. М., 2015
- 28) ВИНОГРАДОВ В. А. *Языковая ситуация*. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 617
- 29) ВИНОГРАДОВ В. В. *Русский язык*. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
- 30) ВАКУЛЕНКО М. О. *Декілька зауваг щодо фемінітивів української мови*. Вісник НАН України. Київ, 2018. № 1. С. 86–89.
- 31) ГАРАГУЛЯ С.И. *Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: опыт системного описания личных имен в США*. Автореферат диссертации, М., 2009
- 32) ГАРБАЦКІ, У. *Аб фемінізацыі беларускай мовы: Фемінізацыя potina agentis і пэўных іншых катэгорыяў у сучаснай беларускай мове*. Мн. АРСНЕ, 2012.
- 33) ГАРБАЦКІ, У. *Гід па фемінізацыі беларускай мовы*. Вільня, 2016.
- 34) ДЕ СОССЮР, Ф. *Курс общей лингвистики*. Труды по языкознанию. М., 1977.

- 35) ДЕМИЧЕВА В. В. *Наименования лиц женского пола в русском языке XVIII века*. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Воронеж, 1995.
- 36) ЕРЕМЕНКО О. И. *Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XIX века*. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Воронеж, 1998.
- 37) ЗАХАРОВА Н. В. *Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук Ульяновского государственного университета. М., 2005. 18 с.
- 38) ІВАНОЎ, У. *Фемінізацыя potina agentis беларускай мовы і праблема каланізацыі*. Палітычная сфера №16-17 (1-2), Мінск, 2011.
- 39) КОБЕНКО Ю.В. *К дифференциации понятий «экzogлоссия» и «экzogлоссная языковая ситуация»*. Современная теория языка. Томск, 2010.
- 40) КОБЕНКО Ю.В. *Эндоглоссная и экzogлоссная фазы языковой эволюции*. Лингвистика. М., 2010.
- 41) КОНОВАЛОВА Н. И. *Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины*. История русского языка: Словообразование и формообразование. Казань, 1997. С. 72–79.
- 42) КОРНИЛОВ А. О. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. М., 1999.
- 43) КОРОВУШКИН В.П. *Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной области языкознания*. Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т.1 № 8.
- 44) КРЫСИН Л. П. *Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии*. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике, М., 2004. – С. 468-474
- 45) МОРКОВКИН В.В., МОРКОВКИНА А.В. *Русские агнонимы*. М., 1996. 415 с.
- 46) НОВИКОВА Н.С., ЧЕРЕМИСИНА Н.В. *Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира*. / Филологические науки, №1. – М.: ж. «Филологические науки», №1, С.40-49.
- 47) ПАЎЛЕНКА М. А. *Нарысы па беларускаму словаўтварэнню*. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове. Мн, 1978.
- 48) ПРОТАСОВА Е. Ю., РОДИНА Н. М., *Методика обучения дошкольников иностранному языку*. М., 2010.
- 49) ПРОТЧЕНКО И. Ф. *Об образовании и употреблении имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955.
- 50) ПУЗИРЕНКО Я. В. *До проблеми номінації осіб жіночої статі в українській мові (гендерний аспект)*. НаУКМА. Київ, 2000.
- 51) ПЯТИЛЕТОВА Л. В. *Гендерная идентичность против социального хаоса: российский антифеминизм как социальный проект*. Научно-методический электронный журнал «Концепт». Вып. №8, Екатеринбург, 2017.
- 52) РОСТОВА А.Н. *Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири)*. Томск, 2000.
- 53) СОБОЛЕВА, М. К. *К концепции философии языка Юргена Хабермаса*. М. Логос, 2002

- 54) СТЕПАНЕНКО М. І. *Сучасна лінгвофемінізація: родова диференціація, перифрастична номінація*. Лінгвістичні дослідження. Харківб 2018. Вип. 4. С. 78-90.
- 55) СТИШОВ О. А. *Номінації осіб у сучасній українській мові (на матеріалі дискурсу ЗМІ)*. Мовознавство. 2012. Вип. 6. С. 23–37.
- 56) СУЛИМА М. *Українська фраза: коротенькі начерки*. Х., 1928.— 99 с.
- 57) ТОМІЛЕНКО Л. М. *Фемінітиви юридичної царини в українській загальномовній лексикографії хх–ххі століть*. Матеріали конференції «Українська мова в юриспруденції: стан, проблеми, перспективи». Київ, 2019.
- 58) ТРУБАЧЕВ О. Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М.: Издательство АН СССР, 1959.
- 59) УСПЕНСКИЙ Б. А. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв)*. М. Гнозис, 1994.
- 60) ФЕКЕТА І.І. *Жіночі особові назви в українській мові (творення і вживання)*. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Ужгород, 1968.
- 61) ФОРМАНОВСКАЯ Н. И. *Речевое воздействие: коммуникация и прагматика*. ИКАР. М., 2007.
- 62) ХУРМАТУЛЛИН А. К. *Понятие дискурса в современной лингвистике*. Учёные записки Казанского государственного университета. Т.151. Казань, 2009.
- 63) ШАНСКИЙ Н. М. *Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса «-ша»*. Русский язык в национальной школе. 1959. № 4 (3).
- 64) ШВЕЙЦЕР А.Д., НИКОЛЬСКИЙ Л.Б. *Введение в социолингвистику*. Уч. Пособие. М., Высшая школа. 1978
- 65) ШПІТЬКО І. М. *Фемінітиви з формантом -ка в українській і словацькій мовах*. Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. Дніпропетровськ, 2010. Т. 18, вип. 16. С. 383–388.
- 66) ЩЕРБА Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974.
- 67) ЭТКИНД А. *Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации*. Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
- 68) ЯКОБСОН Р. О. *Нулевой знак*. Избранные работы. М., 1985.

Електронні джерела:

- 1) Filozofická fakulta. Uiverzita Karlova. *Языковой менеджмент*. Режим доступа: <http://languagemanagement.ff.cuni.cz/ru/node/413> Дата последнего доступа: 29.04.2021
- 2) БЕРКУТОВА В. В. *Феминативы в русском языке: исторический аспект*. Филологический аспект. 2018. № 11 (43). Режим доступа: <https://www.psyart.com/istoriya-feminitivov> Дата последнего доступа 04.01.2021
- 3) *Видеохостинг YouTube*. Режим доступа: <https://www.youtube.com/c/maxkatz1> Дата последнего доступа 10.10.2020
- 4) *Гуманитарный портал. Дискурс*. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6987> Дата последнего доступа 30.10.2020
- 5) КИРИЛЛИНА А. В. *Гендерная асимметрия в языке*. Режим доступа: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/01_05.htm Дата последнего доступа: 10.02.2021

- 6) Корпорация «Российский учебник». Режим доступа: <https://rosuchebnik.ru/material/istoriya-russkogo-yazyka-ot-kirilla-i-mefodiya-i-do-nashikh-dney/> Дата последнего доступа 04.01.2021
- 7) Лингвистический энциклопедический словарь. *Диглоссия*. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/136c.html> Дата последнего доступа 31.10.2020
- 8) ЛОМОНОСОВ М. В. *Российская грамматика*. Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_olderfo.shtml Дата последнего доступа: 21.06.2021
- 9) *Мотивирующая основа и словообразовательный формант*. Текстология.ру. Режим доступа: <https://www.textologia.ru/russkiy/morfemika-slovoobrazovanie/slovoobrazovanie/motiviruyuschaya-osnova-i-slovoobrazovatelniy-formant/170/?q=463&n=170> Дата последнего доступа: 09.02.2021
- 10) Наказ Мінекономіки від 18.08.2020 № 1574 "Про затвердження зміни № 9 до Національного Класифікатора дк 003:2010". Режим доступа: <https://www.me.gov.ua/Documents/Detail?lang=uk-UA&id=c1108c0b-54f2-4e12-b196-efe22f195e05&title=NakazMinekonomikiVid18-08-2020-1574-proZatverdzhenniaZmini9-DoNatsionalnogoKlasifikatoraDk003-2010-> Дата последнего доступа: 03.02.2021
- 11) *Национальная социологическая энциклопедия. Металект*. Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/metalekt.html> Дата последнего доступа: 09.11.2020
- 12) Новостной портал Eurasianet. Режим доступа: <https://russian.eurasianet.org/node/63701> Дата последнего доступа 23.12.2020
- 13) Новостной портал РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> Дата последнего доступа 28.12.2020
- 14) Новостной портал Tut.by¹⁷⁶. Режим доступа: <https://news.tut.by/> Дата последнего доступа: 30.03.2021
- 15) *Прагматика в лингвистике*. Текстология.ру. Режим доступа: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/pragmatika-v-lingvistike/?q=486&n=2325> Дата последнего доступа: 21.06.2021
- 16) Телеграм канал «Координационный совет». Режим доступа: https://t.me/rada_vision Дата последнего доступа 10.10.2020
- 17) *Тэорыя і практыка мовы. Тарашкевіца vs наркамаўка*. Мова нанова. Режим доступа: <https://www.movananova.by/zaniatki/gistoryya-movy-tarashkevica-vs-narkamauka.html> Дата последнего доступа: 30.03.2021
- 18) Феминизатор слов. Режим доступа: <https://feminitives.ru/> Дата последнего доступа 28.05.2021
- 19) Центр социогногнитивных исследований дискурса при МГЛУ. *Переключение кодов*. Режим доступа: <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/переключение-кодов/> Дата последнего доступа 12.11.2020

¹⁷⁶ 18.05.2021 по решению Министерства информации Республики Беларусь новостной портал «TUT.by» был заблокирован.